

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ

ОЧЕВИДЕЦ

Здесь тебе помогут. Ты больше не одинок

Сергей Чекмаев
Очевидец (сборник)

«Снежный Ком»

2012

Чекмаев С. В.

Очевидец (сборник) / С. В. Чекмаев — «Снежный Ком», 2012

Что будет, если Клуб самоубийц из рассказов Стивенсона воплотится в современной России и сразу же шагнет во всемирную Паутину? И из декадентского развлечения для любителей пощекотать себе нервы превратится в зловещее подобие тоталитарной секты? Что будет, если ее создаст самозванный духовник и недоучившийся психолог? И кто сможет остановить его, когда он захочет сделать отсрочку от суицида прибыльным бизнесом? Продолжение нашумевшего романа Сергея Чекмаева «Анафема» и лучшие рассказы за отчетный период – десятилетие творчества автора – под одной обложкой.

© Чекмаев С. В., 2012

© Снежный Ком, 2012

Содержание

Анафема. Новое дело	5
Пролог	5
Зима. Некуда бежать	8
Зима. Почти по Стивенсону	19
Зима. Благодатная почва	29
Зима. Пробный камень	38
Зима-Весна. Одно за другим	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Чекмаев

Очевидец

Анафема. Новое дело

Анафема (греч. anáthēta) – в христианстве церковное проклятие, отлучение от церкви.

Российский Энциклопедический словарь

Анафема – в христианской церкви отлучение отвергающих или извращающих коренные истины веры, исключение из общества верующих, удаление от общения с верующими (...)

Полный Православный Богословский Энциклопедический словарь

Пролог

Набросок статьи в экуменистический журнал «Новая философия».

Исправленная версия

(первый абзац помечен как «удаленный, восстановлению не подлежит»)

...Всё бы ничего, если бы за религиозной интервенцией в Россию не пришло религиозное мошенничество. Сотни новоявленных, ранее никому не известных «церквей», «храмов» и «братств» на поверку оказывались механизмом по отбору денег у прихожан («сектантов») в пользу «братства», то есть на самом деле – на счет «духовного главы» секты. Методы использовались самые различные: начиная с простых уговоров завещать средства или недвижимость вплоть до совершенно аморальных и противозаконных. Шантаж, угрозы жизни родственникам, пытки, методы психологического давления.

Но то были лишь первые ласточки надвигающейся беды. С начала девяностых в стране бесконтрольно размножились чудовищные авторитарные секты, где Верховным Божеством становился сам глава, подчиняя прихожан своей воле, низводя их до рабского, почти животного состояния. В прессе и официальных документах подобные культы получили название деструктивных. Череды судебных разбирательств и даже уголовных сроков, вихрем пронесшихся над Россией в конце века, никого ничему не научила, и новоиспеченные секты продолжали исправно пополняться свежим «пушечным мясом». Сложное экономическое положение в стране заставляло людей балансировать на грани выживания, и с каждым годом им всё больше хотелось чуда, которое по мановению руки сможет решить проблемы. Секты не без успеха попытались взять на себя роль такого чуда, оставив в стороне и государственные институты и Русскую Православную Церковь.

Потом, конечно, спохватились. Как пример можно привести недавно завершившийся эксперимент, когда в программу как частных, так и государственных школ был введен новый предмет – основы православной культуры. Это не Закон Божий времен царя-батюшки: никто не принуждал детей читать «Отче наш» и бездумно зубрить ветхозаветное древо потомков Адама. Просто еще со школьной скамьи будущим гражданам страны прививается православная терпимость и – если так можно выразиться – религиозная грамотность. Никто не заставляет школьников креститься и уж тем более менять конфессиональную принадлежность, хотя на местах от чрезмерного усердия перегибы были. Конечно, не обошлось без конфликтов и

негативных проявлений, на что не преминули обратить внимание многочисленные противники православия. Но когда в России доброе начинание становилось действительно добрым с самого начала? Благодаря эксперименту удалось выявить шероховатости, недоработки и – по мере возможности – избавиться от них. Теперь, три года спустя, предмет «Основы православной культуры» вошел в официальную школьную программу.

С подачи набравшего силу Комитета по спасению молодежи от тоталитарных сект правительство в рекордные сроки провело через Думу новый закон о контроле над религиозными объединениями. Взрывоопасная смесь сотен культов и сект начала тысячелетия опротивела даже велеречивым сенаторам, который год подряд без особого успеха изображавшим оппозицию. После долгих разговоров, многочисленных «за» и «против», в буквальном смысле заполонивших страницы и экраны СМИ, было, наконец, принято решение о создании единого контрольного органа. На основе бывшего департамента Минюста по делам общественных и религиозных объединений оформилась невиданная доселе структура с удивительно неброским наименованием – Спецгоскомитет по религии, сокращенно СГКР.

В состав комитета вошли сотрудники МВД, Минюста, прокуратуры и представители церкви. В основном – православной, хотя из политкорректности мусульмане, иудеи, буддисты, католики, протестанты и баптисты могли участвовать в работе комитета на правах совещательного голоса.

В дальнейшем православное духовенство за каких-то два года полностью перевело на себя руководящую роль в Спецгоскомитете. Сегодня новая структура в открытую управляется и финансируется Русской Православной Церковью с молчаливого согласия государства. Популярное в наши дни название «Анафема» сначала считалось неофициальным и применялось в основном журналистами, но уже через год так называли Спецгоскомитет по религии даже президент и правительство страны.

Работники Спецгоскомитета стали называться *контроллерами*. В штате Анафемы числилось достаточно опытных следователей и несгибаемых прокуроров, у которых неожиданно оказались развязаны руки. Борьба с сектантами вышла на совершенно новый уровень. Изначально перед СГКР не стояла задача силового противодействия, но разгул сатанистов в конце «нулевых» и появление у многих сект собственных охранных структур привели к образованию в Анафеме боевых подразделений (так называемая «новая опричнина»). Методики их подготовки покрыты тайной, и тайна эта серьезно охраняется. Известно лишь, что суровые условия жизни, монашеское послушание и истовая вера сделали «опричников» настоящими бойцами – преданными, бесстрашными и не задающими лишних вопросов. Правая оппозиция пыталась инициировать парламентские слушания о правомочности подобных подразделений, но ни одна подобная акция успеха не имела.

Со времени создания Анафема значительно расширила свои функции. Начав с выявления авторитарных, мошеннических сект и внутренних расследований в самой Русской Православной Церкви (греховное обогащение, растление малолетних, младостарчество, ересь), сегодня новая спецслужба переняла от МВД и многие светские дела. Тем более что государство призналось в собственной беспомощности: еще в начале марта 2003 года Минздрав подписал с РПЦ соглашение о пропаганде здорового образа жизни и совместной борьбе против наркомании, пьянства и детской проституции. После бурных и не всегда корректных дискуссий в Думе и на страницах прессы последовала череда законодательных актов, облакавших Анафему достаточными полномочиями. У новой спецслужбы сразу прибавилось дел – торговля наркотиками, малолетняя проституция, «экспорт» доноров и органов за рубеж. Схема контроллерской деятельности Анафемы, возможно, далека от идеалов законности, однако она чрезвычайно эффективна и пока приносит положительные результаты. Подозреваемые задерживаются контроллерами Анафемы в контакте с силовыми подразделениями МВД или собственными силами. Потом преступников вместе с материалами дела передают государ-

ственному правосудию, но дальнейшее следствие и судебный процесс проводятся уже под пристальным вниманием Анафемы. На сегодняшний день наркодельцам, торговцам «падалью» и молодыми телами уже не так просто отделаться условными или смехотворно короткими сроками, подкупив суд.

Успешные расследования по делам секты «Обращенных», «Внутреннего круга друзей Кедр-Прародителя», религиозного движения «Новый Исход», Общества помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия, под личиной которого скрывалась деспотичная лесбийская секта «Сестринство Вечной Любви», пресечение организованной деятельности сатанистов в крупных городах создало контроллерам Анафемы славу неподкупных борцов с преступлениями против личности и духовной свободы граждан. Средства массовой информации (в основном либерального толка) пытались объяснить успехи Спецгоскомитета борьбой за религиозное доминирование в стране. Самой шумевшей в этом плане стала статья «Анафема. Гроза преступности или оружие самозащиты православия?» известного скандалиста из «Свободной газеты», пишущего под псевдонимом «Правдорубец». Однако многочисленные и, что самое главное, – успешные – акции Анафемы заставили рукоплескать даже самых прожженных скептиков.

Последней точкой в столь радикальной перемене взглядов политической элиты и общества в целом стало закрытие детского дома «Зеленый луч» – история омерзительная и жуткая, в которой оказались замешаны высокопоставленные лица.

К началу 2012 года Анафема стала мощной системой по наведению правопорядка в стране, прибавив популярности не только своим непосредственным организаторам и руководителям, но и всей Русской Православной Церкви.

Меж тем 2012 – год выборов – до предела обострил политическую борьбу. Некоторые аналитики полагают, что Спецгоскомитет по религии станет лишь первым шагом Церкви к созданию нового теократического государства. Доверие к Анафеме во всех слоях общества значительно превышает доверие к таким государственным институтам, как милиция или прокуратура. Опираясь на него и свои безграничные ресурсы, Русская Православная Церковь впервые со времен Смуты 1600 х годов может напрямую вмешаться в борьбу за власть в современной России.

Другие аналитики считают, что Анафема – лишь продукт политических технологий, и кто-то, прикрываясь авторитетом РПЦ, готовится ввести в игру новые козырные карты. И церковь при этом, как это ни прискорбно, играет лишь роль ширмы для неизвестной и беспринципной силы, что может совершенно неожиданно появиться на политической арене.

Кто из них прав?

Время покажет...

(В конце статьи приписано:

«Выборы прошли без эксцессов. Ясности по-прежнему нет. Странно».

Опечатки выделены, но не исправлены; возможно, из-за спешки.)

Зима. Некуда бежать

Анжелкина вечеринка, как всегда, оказалась скучной. Да и повод, честно говоря, дурацкий – полгода со дня окончания школы. Лучше б на Новый год собраться, хотя и банально. Иринка долго размышляла, идти или нет, но все-таки пошла, чтобы не обидеть подругу.

И за первый час успела сто раз пожалеть. А за второй – все двести. Натужные попытки Анжелы растормошить гостей могли бы вызвать улыбку, если бы не выглядели такими жалкими. Народ сразу разбился по кучкам: Вадик с Максом пристроились с сигаретами у окна, сравнивая достоинства «Рено-Меган», «Октавии» и «Дэу», а расфуфыренные стервы Вика и Настя лениво перебрасывались фразами, поглядывая на других девчонок почти с презрением. Насколько Иринка могла слышать, они обсуждали новый спа-салон, который «наконец-то открылся и в нашем гадюшнике».

Класс у них не был дружным никогда. Так уж сложилось.

Впрочем, чему удивляться? Для дружбы должны быть хоть какие-то общие интересы. Но школу выстроили почти на самом краю микрорайона, у кольцевой. Вот и получилось, что половина класса – обычные парни и девчонки обычного спального района, а другая половина – из коттеджного поселка за МКАД. Из тех немногих, кого родители не успели или не смогли пристроить в элитные частные гимназии.

Местные называли их «мажорами». Те в долгу не остались, окрестив одноклассников «плебсом».

Потому неудивительно, что как только «школьные годы чудесные» остались за спиной, класс не хотел встречаться в прежнем составе. Зачем, мол? В школе ваши рожи каждый день видели, теперь наконец это счастье прошло, какой смысл себе опять настроение портить?

Но вот приспичило же Анжелке! И именно в субботу, когда по телеку как раз показывали финал отпадного реалити-шоу «Островитяне». Нет, понятно, что подруга, привыкшая в школе выступать в роли первой красавицы класса, слегка заскучала в своем РГГУ, где таких двенадцать на дюжину. Затерялась среди табунов длинноногих крашенных Барби. Парни с курса не обращали на Анжелу никакого внимания. То есть, конечно, не то чтобы совсем не обращали, но для девушки, привыкшей быть в центре мужского обожания, явный недостаток сраженных наповал кавалеров стал крушением привычного мира.

Такое положение надо побыстрее исправить.

Так что горевала Анжела совсем недолго и с обычной своей неумной энергией взялась собирать старую школьную тусовку. Вспомнить, так сказать, золотое детство. Ясное дело, в списке приглашенных первыми значились пять ее бывших бойфрендов – тот же Макс с Вадиком, к примеру. И несколько парней с курса: пусть знают, что могут упустить свой шанс, если и дальше будут такими же привередливыми.

И сейчас, медленно дефилируя по комнате, Анжела покровительственно оглядывала «гарем» своих бывших. Статус-кво восстановлен, а на остальное наплевать.

Иринка вздохнула и отвернулась. Нет, всё же не стоило приходить.

– Откуда такая вселенская грусть?

Незнакомый мужской голос прозвучал чуть ли не над самым ухом. Иринка вздрогнула и обернулась. И встретила с насмешливым взглядом чуть прищуренных серых глаз.

«Таких глаз у нас в классе не было, – растерянно подумала Иринка. – Иначе Анжела бы своего непустила».

– Ярослав, – представился незнакомец. – Можно просто Слава. А ты – Ирина, да?

Нет, он не походил на Леонардо ди Каприо, Бреда Питта или, если уж на то пошло, Диму Билана. Обычный, ничем не выделяющийся парень с рыхловатым лицом и несколько оплывшей фигурой, чуть более плотной, чем нужно для идеала девичьих грез. Но вот глаза... серые

с таинственной золотистой искоркой в глубине зрачка – они завораживали. Казалось, что их обладатель владеет каким-то таинственным знанием.

И может указать к нему путь. Если попросишь.

Иринке сразу же сделалось стыдно за свои джинсы и любимый, пушистый и теплый, но совершенно бесформенный свитер. Ну почему, почему она сегодня не пришла в той серой юбке, которая ей так идет?

Странно, но минут через пятнадцать девушка поймала себя на том, что совершенно свободно болтает с доселе незнакомым Ярославом обо всем на свете. Как с давним, проверенным годами другом. В том числе и о пресловутой юбке – Иринка так и заявила без тени кокетства:

– Я ведь знаю, что когда надеваю юбку, ну и там всё остальное, то на меня оборачиваются, а когда брюки цвета хаки и «гриндерсы», то нет.

Судя по ответу, Ярослав понял ее по-своему.

– Ерунда, – отмахнулся он. – Даже самые железные кокетки не каждый день носят вечерние платья с разрезом до... ну, ты понимаешь. Не говоря уж о том, что можно и в рабочем комбинезоне, заляпанном краской, выглядеть женственной. У тебя, например, получается.

Его комплименты, простые и незатейливые, казались откровением; не в последнюю очередь потому, что вместе со словами Иринку снова и снова атаковал золотистый высверк из серой глубины зрачков.

Они с Ярославом вывалились из тусовки, будто в лесную прохладу из душного городского марева. Откуда-то издали доносился смех, скабрзные анекдоты, Анжелкины потуги на всеобщее внимание и «бу-бу-бу Октавия, бу-бу-бу подвеска, бу-бу-бу движок один и семь» от соседнего окна. Но звуки гасли за невидимой завесой, которой Ирина с Ярославом отгородились от мира, а здесь, в небольшом алькове между окнами они были только вдвоем.

Наверное, в слезоточивой женской лав стори героиня бы обязательно «млела от его мужественного голоса», или «у нее сладко ныло в груди», или еще что-нибудь такое же пошлое. С Иринкой ничего подобного не происходило. Она даже слегка рассердилась на себя: фу, полено толстокожее! Парень перед тобой хвост распушил, а ты что? И сама же ответила: А что я? Ничего. Мы просто разговариваем.

Они и впрямь «просто» разговаривали. Без конкретной темы, да, похоже, что и без цели – пофлиртовать, например. Всё казалось ненужным. Просто Иринка больше не чувствовала себя одинокой.

И потому она сразу же согласилась, когда Ярослав неожиданно предложил:

– Может, пойдем отсюда? Погуляем. Как-то здесь... – Пауза заставила ее на мгновение напрячься – ... скучно.

Никто и не заметил, что они уходят. Разве что Анжелка скользнула по странной паре недоуменным взглядом и сразу же отвернулась.

У Иринки всё же хватило такта поинтересоваться:

– А как же твои? Ты ведь с Анжелкиного курса? – Она запоздало сообразила, что Ярослав вряд ли пришел на сейшн в одиночку.

– Я со второго. наших здесь нет никого. Твоя подруга приглашала кучу народа, но никто не пришел.

Последнюю фразу он пробормотал вполголоса: можно подумать, что Ярослав боялся, как бы его не услышала «хозяйка салона». Иринке бы насторожиться, но где там!

Гуляли до глубокой ночи. Сначала по небольшому лесопарку микрорайона, а потом Ярослав предложил поехать в центр.

– Посидим где-нибудь в приличном месте. А то поблизости ни одного нормального кабака нету.

– Как? – удивилась Иринка. – А «Золотой дракон»? Это вон там, через дорогу...

Ярослав усмехнулся.

– Я ж говорю: «при-лич-ное». В «Драконе» твоём без гранатомета лучше не появляться. Небось одни бандюки пасутся.

Иринка подумала, что Ярослав, наверное, никогда в «Золотом драконе» не был. По названию и в самом деле выглядит помпезнее некуда, как минимум младший брат «Голден палас». А на самом деле – уютный китайский ресторанчик, да и цены вполне приемлемые. Ну да ладно. В центр так в центр. Может, оно и к лучшему: ни на кого из знакомых не нарвешься, до мамы не дойдет, и ничего потом не придется объяснять.

«Приличным» местом оказалась довольно обшарпанная пиццерия где-то на Новослободской. Иринка не возражала: с Ярославом было легко, интересно и спокойно, а уж где сидеть – вопрос десятый.

Натуральный рай в шалаше.

Ярослава забегаловка тоже вполне устраивала – народу уйма, никто их не запомнит.

Минут через сорок, когда пиццу они уже съели, а темы для разговоров никак не заканчивались, Иринка сообразила, что дружеским ужином дело не ограничится. Вопросы Ярослава становились более откровенными: есть ли у нее молодой человек; а почему нет; да-да, все мужики одинаковые; а не хотела бы она еще раз попробовать; вот если бы он, Ярослав, мог, то доказал бы ей... и так далее. В общем, девушка была почти согласна и даже стала мучительно соображать, к кому можно напроситься в гости. Обрато к Анжелке, ясное дело, нельзя, там сейчас дым коромыслом. У Катьки – новый друг, не пустит, Танюха опять сошлетя на родителей. Беда.

Но Ярослав и тут оказался на высоте. Выяснилось, что «здесь недалеко, рукой подать» находится квартира его друга, который загулял на выходные в каком-то доме отдыха, но успел оставить на сохранение ключи. Вот как всё удачно сложилось! Одно к одному.

Иринка и эту странность восприняла, как должное. Она уже верила всему, что скажет Ярослав.

Логово пропадающего на лоне природы друга в самом деле оказалось совсем рядом, на соседней улице. Съёмная однокомнатная нора молодого повесы: контркультурные плакаты на стенах, подставка для каких-то спортивных наград у окна, домашний кинотеатр, две полки с дисками, микроволновка на сиротливо голой кухне и венец всего – раскладной двуспальный диван, скрипучий и шаткий. Если и не ровесник самой Ирине, то около того.

Здесь всё и случилось. Просто и неромантично – на диване перед телевизором. В неполные восемнадцать Иринка, конечно, давно уже девственницей не была. И на подобный вопрос немедленно бы возмутилась: я что, по-вашему, такая уродина, на которую никто и не посмотрит? Но ее небогатый опыт ограничивался стандартными тусовочными связями: судорожные объятия в полутьме, задранный юбка и спущенные штаны, перегар, пьяная веселость и шум в голове. Мысли предохраниться или хотя бы посчитать цикл приходили одновременно с похмельем. И... уходили. Потому что «в прошлый раз ничего не было, авось и в этот пронесет».

Да и Слава делал всё так уверенно и спокойно, что Иринка почти не сомневалась – опыт у него такой, что, по меньшей мере, на пятерых хватит. Наверное, знает, как всё должно быть правильно и безопасно. Это тебе не на пьяной вечеринке в ванной запереться... С галантным, но распаленным алкоголем и оттого чересчур торопливым партнером. А у Ярослава в голове шампанское и пара коктейлей из пиццерии давно выветрились, глядишь, сам обо всем позаботится.

И она доверилась, выкинув из головы неприятные мысли. Тем более что мужские руки уже шарили по телу, жадно доискивались теплого, мягкого и округлого, разбирались с пуговицами, молниями и лишь изредка терялись в непривычных застежках.

Чуть позже, правда, выяснилось, что Ярослав совсем не так опытен, как хочет показаться, что многое ему непривычно, а то и вообще в новинку. В самый ответственный момент он ничего не сделал, но Ирине уже было всё равно. Мир вокруг погрузился в туман и звонко

лопнул сотнями сверкающих брызг. Заложило уши. Вполне может быть, что от ее собственного крика.

– Тебе было хорошо? – беспокойно спросил Ярослав.

Если бы остались силы, Иринка точно бы рассмеялась: ну почему парням обязательно надо задавать этот дурацкий вопрос? Что, и так не видно? Но слабость, разлившаяся по телу, не дала даже улыбнуться. Да и говорить получалось с трудом.

– Да. Наверное. Не помню.

Паузы в словах и затуманенный взгляд сказали Ярославу больше самых жарких заверений. Он просиял и спросил:

– Пить хочешь?

Расстались они под утро. Славик – теперь уже Славик! – как галантный кавалер проводил Иринку до подъезда, чмокнул в щеку и побежал к трассе ловить машину. Девушка долго смотрела ему вслед, пока совсем не замерзла.

Их роман умер, не родившись. Тот самый, красивый и продолжительный, что Иринка нарисовала в воображении. Она мечтала, как будет представлять Славика подругам, причем следовало проследить, чтобы Катька, не дай бог, не отбила – с нее станется. Как познакомит его с мамой и обязательно свозит на Тайнинку, к бабушке, которая всегда стояла за внучку горой и, если что, одобрит выбор. «Если что» означало маму: угодить ей с поклонниками Иринке еще ни разу не удавалось.

Но роман так и остался лишь красивой фантазией. Наверное, Иринке стоило поговорить с Анжелой до, а не после, когда уже всё случилось.

Наверное... Задним умом все крепки, а что толку?

По телефону Анжела что-либо объяснять отказалась, зато немедленно примчалась в гости – чего там, два подъезда пройти. И прямо с порога обрушилась на подругу:

– Да ты что, Ирка! Совсем без парней озверела? Нашла, кого выбрать! У меня спросить не могла?!

– У тебя спросишь! Ты весь вечер то Максу, то Вадику глазки строила. Не оторвешь. А что с ним не так?

– Со Славкой?! С ним ВСЁ не так! Он же пикапер, сволочь! Самый настоящий, как в Интернете пишут. Не читала, что ли?

Иринка недоверчиво посмотрела на подругу:

– Пикапер – это который только на один раз? А потом – всё, свободна?

– Ну да!

– С чего ты взяла? Он совершенно не похож и...

Анжела не дала Иринке договорить:

– А ты думаешь, он что, с табличкой должен ходить? Или флагом размахивать «Я пикапер»?

– Нет, но... Да ладно, что ты придумываешь! Славка нормальный парень.

– Нормальный!! – Анжела чуть не подпрыгнула. – Эх, Ирка, вот тебя угораздило. Слушай, я тебе расскажу, какой он нормальный.

Она устроилась в кресле, накрутила на палец локон – водилась за ней такая привычка, задумчиво посмотрела в сторону.

– Не помню уже, кто мне всё это поведал. Девчонки со второго курса, наверное, – наши еще Славика не раскусили. Слух, в общем, такой ходит, что у него в первый раз с девушкой какая-то проблема случилась, опозорился или еще что. А она, дура, вместо того, чтобы молчать, обо всем растрепала. На следующий день вся школа уже знала: Славик – импотент. Сама понимаешь, какая у него житуха началась. Даже хотел в другую школу перейти. Но до экзаменов полгода оставалось, пришлось терпеть. Комплекс у него после этой истории такой обра-

зовался, что мало не покажется. Идея такая: все женщины – болтливые стервы, веры им нет, максимум для чего мы с тобой, подруга, сгодимся – это секс. Обычное оздоровительное кувыркание на диване. Но никаких отношений! Только один раз и ничего больше. Он специально к себе не водит, только по квартирам друзей, чтобы потом девки к нему домой не приходили отношения выяснять. В универе он несколькими бедолагам вроде тебя мозги запудрил, пикапнул на одну ночь и всё, хватит. Они за Славой долго бегали, а когда поняли, что ничего им больше не светит, возненавидели его напрочь. Ну, и он в ответ еще крепче уверился в нашем бабьем сволочизме. И теперь считает, что женщины ничего более и не достойны. Ноль серьезных отношений, ноль чувств. Одна ночь – и проехали. Ловелас доморощенный, мать его. Он знаешь как навострился девчонкам мозги пудрить? Фигурой-то не вышел, умом тоже, посему таинственность напускает. Даже, говорят, линзы специальные заказал, чтоб глаза светились. – Заметив, что от последних слов подруга вздрогнула, Анжелка удовлетворенно кивнула и добавила назидательным тоном: – Ясно, какого принца ты себе нашла? Говорю, надо было меня спрашивать.

Иринка с трудом верила своим ушам. Теперь становились понятны многие странности Славика, но... Всё равно в голове как-то не укладывалось.

– А зачем ты его пригласила вообще?

– Да он меня обхаживал, пока не понял, что я всё знаю. Тогда и отвалил. Честно тебе скажу, я его назло позвала. Подумала: не придет – хуже не будет, а придет – пусть на наших мальчишек полюбуется, ногти в углу погрызет, покурит в сторонке. Кто ж его знал, что всё так обернется?

Сказать по правде, поначалу Иринка подруге не поверила: мало ли что в универе болтают! Тем более брошенные девчонки. Могли из мести ужасов напридумывать. Не получилось нормального парня при себе удержать – так пусть лучше никому не достанется! Всех страшилками распугаем.

Но телефон, который оставил Славик, всё время оказывался недоступен, пока, в конце концов, металлический голос не ошаршил Иринку сообщением, что абонент временно не обслуживается. В РГГУ, по словам Анжелки, Ярослав появлялся редко, так что попытки подловить его на выходе после лекций, неизменно проваливались. Подруга неодобрительно качала головой:

– Я же тебе говорила! Ты что, Ирк, запала на него, что ли? Забудь лучше этого гада!

Однако забыть почему-то не получалось. Золотые искорки в серых глазах, что бы там Анжелка не говорила про линзы, то и дело лезли в голову, стоило лишь на мгновение отвлечься. Иринка снова и снова хватала трубку, набирала заученный номер и в который уже раз слушала бездушный ответ.

На второй неделе поисков в гости явилась Анжелка. Поворчав для порядка – нечего тут по мужикам горевать, это они по нам сохнуть должны, – заявила:

– Есть у меня один... – Она изобразила пальцами неопределенный жест, – типа хакер. Малолетка, но с гонором. Видала на столах у перехода диски с телефонными базами? Так этот хвастается, что он сам их и ломает. Думал впечатление на меня произвести. Ха!

Она покопалась в сумочке, выудила миниатюрный телефончик, открыла, пробормотала задумчиво:

– Звонить со своего? Достанет же потом. Еще и адрес через свою базу вызнает, будет у подъезда опшиваться!

– Телефон тебе Вадик подарил, забыла? На него и записан. Так что твой хакер к нему в гости придет. А мы посмеемся.

– Точно! Молодец, подруга, сечешь!

Хакер оказался на месте и даже согласился помочь в обмен на неопределенное обещание «встретиться на днях». Фамилию Ярослава – Левичев – Анжелка вызнала у старосты группы. Через какой-нибудь час подружки знали и телефон, и адрес.

Неприветливый мужской голос терпением не отличался:

– Девушка! Левичевы здесь давно не живут. Не звоните сюда больше.

– А куда они переехали, вы не...

– Не знаю и знать не хочу! До свидания.

Трубку повесили, прежде чем Иринка смогла что-либо ответить.

Перезвонили хакеру. Он долго извинялся: «база старая, две тысячи пятого года, новой пока нет», а в конце спросил, не повлияет ли неудача на грядущую на днях встречу. Анжелка сказала, что подумает, и отключилась.

Как-то под вечер, когда стало совсем невмоготу, Иринка даже съездила в ту самую квартиру на «Новослободской». Потопталась на лестничной клетке и всё же решилась позвонить. Один раз. Два. Три.

Тишина. Лишь гроыхнул внизу железной створкой подъездный доводчик.

Дверь так никто и не открыл. Спустившись, Иринка посмотрела на окна седьмого этажа. Почти посредине яркого ряда светлых пятен тонули в темноте два зеркальных стеклопакета.

Через несколько дней Анжелка сбросила сообщение, что видела Ярослава в универе. Иринка сбежала с последней пары, приехала к подруге в РГГУ и долго разыскивала аудиторию Славкиной группы.

Но и в этот раз ничего не получилось. Ярослава среди студентов не оказалось. Иринка попыталась вызнать, где он, долго расспрашивала народ. Никто ничего определенного сказать не мог, и лишь высокий и сутулый парень, пристроившийся у окна с сигаретой, вяло отмахнулся:

– А что ему? С третьей пары свалил. Он же платный, ему до упора высидывать не обязательно.

Иринка расстроилась: Славика кто-то предупредил. И он, похоже, в самом деле ее избегает. Может, и правда пикапер?

А потом ей стало не до того. Пришел срок, но месячные почему-то не начались. Поначалу она успокаивала себя: застудила, пока болталась в юбке по морозу. Или ошиблась на пару дней. Бывает. С каждым днем верить в собственные фальшивые заверения становилось всё сложнее. А к концу второй недели Иринка уже пребывала в состоянии тихой паники. По дороге в институт она забежала в аптеку и купила тест на беременность.

В перерыве между парами сбежала в туалет и проверилась.

Язычок тестовой бумажки порозовел. Инструкция лаконично сообщала: «реакция отрицательная – нет изменений цвета, реакция положительная – от бледно-розового до красного». В аудиторию Иринка вернулась на автопилоте, слепо переставляя ноги. Кто-то из девчонок даже спросил, не плохо ли ей.

В тот день учиться она больше не смогла. Всё валилось из рук, тело колотил странный озноб, голова не соображала, да и не было в ней места для каких-нибудь других мыслей.

«Я беременна».

Такой вот подарочек к Новому году.

Возвращаясь домой, Иринка проехала свою остановку, а в маршрутке едва не стала центром скандала – забыла заплатить. Водитель отказывался ехать, пока не соберет деньги со всех, пассажиры долго выясняли друг у друга, кто виноват, пока не обратили внимание на молчаливую девушку в третьем ряду.

«Я беременна. Что делать? Сходить к врачу, в клинику какую-нибудь анонимную? Да, надо, наверное, но ведь всё уже и так ясно, правда?»

Мама сегодня работала в вечернюю смену, дома – никого. Со своими мыслями Иринка осталась один на один.

Включать свет она не стала, так и просидела за столом в темной кухне до полуночи, пока не заскрежетал ключ в замочной скважине.

– Ира, ты дома? – громко спросила мать с порога, повозилась в прихожей, чертыхнулась, прошла на кухню и с облегчением громыхнула на пол фирменные супермаркетовские пакеты.

Щелкнула выключателем. От нестерпимо яркого света Иринка вздрогнула и прикрыла глаза руками. Мать обернулась на шорох:

– Что это ты полуночицаешь? Случилось чего?

Иринка своей мамы стеснялась. И на вопрос: «кем работает?» старалась не отвечать прямо. Раньше говорила: в Министерстве путей сообщения, теперь – в Российских железных дорогах. И быстренько старалась сменить тему. Если б в школьной тусовке узнали, что она, Иринка – дочь вокзального кассира, мажоры просто перестали бы с ней здороваться, да и свои наиздевались бы всласть. Может, и прозвище какое навесили: проводница, например. Бр-р р!

К себе в гости она старалась никого не звать. Подруга мама не одобряла, особенно Катюху и Анжелку, а парней и вовсе встречала, как самых ненавистных врагов, что только и ждут, как бы соблазнить ее доченьку.

Мама воспитывала Иринку одна. И одна вынесла на своих плечах все дочкины заморочки: школу, взросление, слабые попытки проявить характер. А теперь еще и институт прибавился.

А характер у мамы был крутой – от деда. Бывший генерал, коммунист советской закалки, он и детей воспитал в рамках своего предельно узкого взгляда на мир. Страна на первом месте, семья на втором – ячейка общества, как никак, и никакого секса, только здоровые отношения между советскими людьми. Скрепленные узами брака.

Когда дочь подросла, он то и дело заговаривал, с каким размахом они будут отмечать ее свадьбу: снимут зал в «Праге», во главе стола он сядет самолично, ибо со времен офицерской молодости, когда служил на Кавказе, помнит кучу великолепных тостов. Машину возьмут не какую-нибудь пошлую «Чайку», а самый настоящий ЗИС, из министерского гаража. В общем, свадебный генерал, в прямом и переносном смыслах.

Свадьбы так и не случилось. Впрочем, дед этого уже не видел: в девяносто первом, в день провала первого путча, когда привычный мир старого генерала рухнул окончательно, его сердце не выдержало и остановилось.

Иринкина мама в тот год перешла уже на четвертый курс. Дедовскую науку она усвоила на отлично, стойко ждала принца и слыла в своем первом медицинском «синим чулком».

Принц появился неожиданно. Первый красавец курса, сын декана – небедный и не слишком обремененный житейскими проблемами. Надо сказать, что женским вниманием он был избалован сверх меры, и с чего уж он заинтересовался неприметной тихоней – неизвестно. Может, захотелось нетронутой свежатинки, а может, и правда соскучился по простым и честным чувствам, без всякой материальной основы.

Иринка видела фотографии: мама буквально преобразилась. Раньше ее называли просто симпатичной, а на третьем курсе она совершенно неожиданно для всех победила в местном конкурсе красоты – тогда подобные мероприятия как раз стали входить в моду.

Ради принца мама готова была на всё. Даже согласилась изменить некоторые жизненные приоритеты: отложить свадьбу например.

«Подожди, давай доучимся сначала», – говорил принц, и она ему верила. Верила во всем. Потому не сопротивлялась, когда после красивого вечера в ресторане он привез ее на отцовскую дачу и прямо с порога начал раздевать. Муж ведь практически, ему можно.

Самую радостную на свете новость она несла ему, как подарок, но принц энтузиазма не проявил. Буркнул что-то нерадостное.

А через пару дней ее вызвали в деканат. Папа принца, толстый и вальяжный, быстро объяснил непонятливой девчонке, кто кого соблазнил в этой истории, кто под кого лег и с какой целью. А если она и дальше будет преследовать бедного доверчивого мальчика или – тем паче – шантажировать, то приказ на отчисление будет подписан в пять минут. И она, мерзкая развратница, вылетит из института с волчьим билетом.

После родов красота сошла на нет, институт пришлось бросить, и, чтобы прокормить себя и маленькую Ирку, мама устроилась на вокзал кассиром. На новой работе у нее окончательно испортился характер, сменился лексикон – по большей части из-за него Иринка не звала к себе гостей, – но дедовские идеалы стояли крепко. Замуж мама так и не вышла, а на упреки родственников гордо заявляла, что целиком посвятит себя воспитанию дочери. Так как привыкла: суровостью, наказаниями, а то и ремнем.

Но несмотря ни на что, Иринка маму любила. В запале та могла сильно приложить крепким словцом, а могла и выпороть, но при этом оставалась мамой. А еще – и старшей подругой, с которой можно обсудить наболевшее, получив попутно небольшой нагоняй. Иринка привыкла советоваться с мамой, доверять ей свои страхи и переживания. А к кому еще пойти? Настоящих подруг, таких, кому можно рассказать всё без утайки, у нее так и не появилось, а бабушка... Что бабушка? Погладит по голове, посмотрит жалостливо, напоит чаем с черничным вареньем. Только разумного совета дать не сможет – откуда знать жизнь ей, долгие годы прожившей без забот и тревог за пазухой всесильного советского генерала?

Конечно, с недавних пор Иринка поняла, что маме кое о чем лучше вообще не говорить, промолчать, а то можно нарваться на длинный нравоучительный монолог или даже конфликт.

Но сейчас не тот случай.

Мама всё поймет. Пусть отругает, пусть, зато посоветует, что надо делать.

– Понимаешь, мам, я тут познакомилась с одним хорошим человеком...

И она рассказала.

В принципе, Иринка была готова к возражениям, обвинениям и упрекам. Но то, что случилось, едва она закончила говорить, не могло ей присниться даже в самом страшном кошмаре.

– Вот оно как! Значит, ты, наконец, допрыгалась со своими тусовками! Шлюха!!

Мама, когда ругалась, выражений не выбирала. А сейчас, судя по раскрасневшимся щекам и шее, по налитым кровью глазам, она была просто взбешена.

– Небось, Анжелка, проститутка бесстыжая, этого <...>дуна тебе сосватала!!

И пошло. Мать кричала минут сорок, не повторяясь. Сначала пересказала дедовскую науку. Так, как запомнила: потеря девственности до свадьбы – позор, беременность в семнадцать лет – стыд, мерзость. Потом неожиданно переключилась на христианские представления о блуде и грехе. Потом, когда обычные слова кончились, перешла на мат:

– Пойдешь на аборт, <...>! Пойдешь, как миленькая!

Иринка молчала, спрятав лицо, лишь изредка всхлипывала в ответ на самые обидные упреки. Но тут она не выдержала.

– Прости, не пойду. Я своего ребенка убивать не дам.

Мама замерла с открытым ртом. Хрипло вздохнула, опустила на стул. А когда заговорила снова – Иринка с трудом узнала ее голос: злобный, свистящий шепот.

– Ты что, дура, как я жизнь прожить хочешь?! Одна дите растить? А ведь я в двадцать родила, <...>, молодости у меня, считай, не было, семьи тоже, а теперь и ты мой <...>ский путь повторить решила?

До сих пор Иринке даже в голову не приходило, что ее история так похожа на мамину судьбу. Ведь тот «принц» был подлец, бабник и трусливый маменькин сыночек, но у нее-то не кто-нибудь – Славик! Разве их можно сравнивать! Он другой, настоящий, может, немного скрытный из-за того глупого случая в школе. Но другой же!

– Значит, ты по<...>лась, удовольствие получила, а мне теперь отдуваться! Может, ты теперь каждый год будешь ребенка заводить?! Мать-героиня, <...>!

Иринка не выдержала и заревела в полный голос. Но мама осталась непреклонной. Посмотрела свысока на плачущую дочь и добавила:

– Под мужика лечь наука не хитрая, сисек и задницы вполне хватит. Надо было головой думать, а не <...>, когда ноги раздвигала.

Сказала – словно последний гвоздь вколотила. По самую шляпку.

Раньше мама так часто не материлась. Иринка сквозь слезы посмотрела на ее лицо и окончательно поняла: теперь на ее стороне не осталось никого. Придется всё решать самой.

– И даже не думай, что можешь оставить ребенка. Хочешь мне на шею еще и чужого ублюдка повесить? Так вот запомни – мне он не нужен. Всякие вы<...>ки, спермодоноры <...> будут лапать мою дочь, а я потом...

Договорить она не успела. Иринка вскочила, оттолкнула с прохода мать и метнулась прочь, плечом задев дверную створку. Жалобно зазвенело стекло.

– А ну вернись!

В ответ через пару мгновений щелкнул замок – Иринка закрылась у себя в комнате. Скрипнули пружины дивана, какое-то время до кухни доносились приглушенные рыдания. Потом стихли и они.

Наступила тишина.

Стучать бесполезно. Пока Иринка не придет в себя – из комнаты не выйдет и даже не откроет.

– Вот и хорошо, – вполголоса пробормотала мама. – Вот и замечательно. Попереживай, подумай. Глядишь, к утру в голове прояснится. Тогда и поговорим, где и как аборт делать.

Но к утру ничего не изменилось. И до конца субботы тоже. И в воскресенье. Иринка из комнаты так и не появлялась, разве что ночью. Мама то и дело подходила к дверям, пыталась заговорить с ней, настаивала, укоряла. Тщетно. Дочь отреагировала лишь однажды, когда речь в очередной раз зашла об аборте:

– Спасибо, мам. Я разберусь.

Чем вызвала новый поток ругани и упреков.

Так прошли выходные. В понедельник, собираясь на работу, мама еще раз подошла к Иринкиной двери:

– Ну? Ты не передумала? Ладно, можешь не отвечать.

И ушла, нарочито громко хлопнув дверью.

Иринка выбралась из комнаты минут через пятнадцать, когда окончательно убедилась, что мама, притаившись, не ждет в коридоре. Пробралась к холодильнику, жадно, давясь и почти не жуя, поела что-то совершенно безвкусное.

Когда Иринка собралась в душ, зазвонил телефон.

«Славик!»

Она метнулась через всю квартиру, схватила трубку, но из-за дрожи в пальцах не удержала в руках, уронила, едва не выдернув шнур из розетки.

– Ало!!

– Что это тебя третий день не слышать?

Всего лишь Анжелка.

«Она же ничего не знает! – подумала Иринка. – Ну, и... хорошо. Пусть не знает и дальше. Не надо мне больше советчиков».

Подруга меж тем продолжала:

– Всё по Славiku киснешь? – и не дав ответить, затараторила: – Ничего, я тебя сейчас обрадую. Не знаю, правда, поможет ли тебе моя новость, я бы на твоём месте все-таки подумала, мало ли что, сама-то я ничего хорошего не жду, но ты так горевала...

– Говори толком!

– Что? – Словесный водопад на мгновение замер. Но уж кому, как не Иринке, знать, что остановить Анжелу, когда ей не терпится поделиться горячей новостью, невозможно в принципе. – Так я и говорю! Дослушала бы. Всегда ты так – не слушаешь меня, а потом проблемы всякие случаются. Адрес я нашла. Адрес твоего Славика. Ну, скажи, кто у нас молодец?

Иринка радостно хлопнула в ладоши. Точнее попыталась – помешала трубка в правой руке.

– Ты, конечно!

Да, этого у подружки не отнять. О парнях Анжелка знала всё. И не только о своих – на такой вот случай.

– Домашний? Настоящий?

– Нет, мыло. Электронную почту.

– Давай!!

Ручки рядом не оказалось, и Иринка записала адрес прямо в память телефона.

– Правильно записала? Проверь. И помни – ты моя должница по гроб жизни. Ладно, пока, мне в универ через десять минут выходить.

Нет, Иринка не была столь наивна, чтобы слепо верить в Славикову порядочность. Она и не ждала, что он ответит. Почти не ждала – так, теплилась слабая надежда. Слабая, как тлеющая искорка в потухшем костре.

Минут двадцать спустя, как раз, когда Иринка выходила из душа, почтовая программа призывно зазвенела: получено письмо.

В поле адресата стояло: Yaroslav Levichev.

Мышка едва не выскользнула из рук, Иринка с трудом попала курсором в «открыть».

Лучше бы она этого не делала.

«Ты, наверное, уже слышала ту историю, которую про меня девки рассказывают? Так вот – я сам ее придумал. Чтоб жалостливее было. На самом деле всё у меня в первый раз нормально получилось. И даже более того. Просто вы, бабы, ни на что больше не нужны. А если дать вам шанс – вы садитесь на шею и начинаете тянуть деньги. До тех пор, пока не выдоите мужика до дна.

Способов миллион, я их все уже перевидал. Твой, с ребенком – тоже. Не на дурака напала: я эту разводку знаю, друг рассказывал. Ни хрена ты не беременна, не ври. Это ты меня на жалость раскручиваешь, на совесть давишь, чтоб я прибежал и начал вокруг тебя прыгать: «ах, ох, бедная девочка, я как истинный джентльмен теперь должен жениться, пойдём в ЗАГС, дорогая». И так далее. А потом, после Мендельсона, выяснится, что у тебя либо выкидыш, либо ложная беременность. И никакого ребенка нет и не будет.

В общем, не вешай мне лапшу на уши. Я куда умнее, чем ты думала.

Так что не пиши мне больше. Не хочу ничего про тебя слышать. Ты такая же стерва и сука, как и все остальные.

р. с. И вообще – о резине должны бабы заботиться, а не мы. Вам же рожать».

Иринка смотрела на экран и не понимала, что там написано. Сглотнула комок в горле, но он появился снова, а на глаза навернулись слезы, хотя за последние сутки их запас, казалось бы, окончательно иссяк.

Она потрянула головой, надеясь, что кошмар исчезнет, а письмо сотрется, словно его никогда не было.

Чуда не произошло. Тогда Иринка, аккуратно ткнув мышкой, удалила его сама, потом очистила папку «Удаленные», а потом еще и стерла временные файлы Интернета.

Не было такого письма. Не было. Никогда.

Она продолжала машинально нажимать на какие-то баннеры, кликать на ссылки. Но в содержание особо не вчитывалась – картинки мелькали перед глазами, как хоровод неоновых реклам за окном автомобиля. Девушка бродила по Сети в отупении, не замечая, что делает, рука с мышью словно бы жила своей жизнью.

Наверное, только она одна сейчас и жила в Иринке. Всё остальное в ней умерло, кроме разве что еще одного, маленького, почти невесомого комочка, которому все вокруг отказывали в праве на существование.

Больше всего на свете Иринке сейчас хотелось лечь, закрыть глаза и заснуть. Надолго. Может быть, очень надолго. А когда проснуться – узнать, что никаких проблем больше нет, что всё счастливо разрешилось. Ну а если так не случится никогда, то лучше вообще не просыпаться.

Иринка помотала головой, отгоняя дремоту. Намеренно широко открыла глаза, чтоб не слипались.

И замерла. Оказалось, что за время бесцельных блужданий, она забрела на свой любимый «ЧатЛанд» – привычная картинка, бегущие одна за другой разноцветные строчки чатовской болтовни, калейдоскоп баннеров по краям.

Всё, как всегда, кроме одного: в правом верхнем углу, с припиской «на правах рекламы», серебристо мерцали три короткие строчки:

«Суицида. нет – Реабилитационный кружок помощи потенциальному суициду. Зайди к нам, если тебе плохо, если тебя никто не хочет слушать. Здесь тебе помогут».

Курсор указывал точно на середину баннера. Иринка дернула мышь, уводя стрелку в сторону, и случайно задела левую клавишу.

Экран мигнул, потом потемнел, окрасился синим. Сверху начали падать буквы, по одной, но довольно быстро, пока не сложились в девиз: «Здесь тебе помогут. Ты больше не одинок».

Зима. Почти по Стивенсону

Нет, сегодня что-то не получалось.

Игорь видел это по лицам. Обычно они светились счастьем от общения со своим любимым Учителем, смотрели в глаза и ловили каждое слово. Даже те, к кому удавалось пробиться с превеликим трудом, – Ириска, например, Катя-Катёнка или Олег Пустин по кличке Пустой, – даже они оживали во время Церемонии, как будто просыпались от вековечного сна.

– ...помните об этом, ибо сказано: красота жизни превыше красоты смерти!

Но не сегодня. Игорь и сам чувствовал, что голос его звучит не так убедительно, а из слов ушла могучая внутренняя сила, и вместо зажигательного призыва выходила какая-то безжизненная риторика одних и тех же порядком поднадоевших фраз.

Словно зацарапанная пластинка с архаичного патефона.

Проповедь неслась по привычному руслу, а мысли ворочались неохотно и тяжело. Проклятая голова! Совсем ни к чему было вчера так напиться. Конечно, повод вполне достойный: проект «Суицида. нет» заметила правозащитная организация откуда-то с Урала, выразила желание профинансировать, пригласила на встречу... На радостях Игорь бросил подопечных – хорошо, обошлось без эксцессов, – прихватил, что положено, и поехал в Подольск, к своим. Отмечать. Ну, и Рождество заодно, раз уж так совпало.

– Ибо смерть для всех одна, а жизнь каждый может прожить по-своему. И прожить не зря, творя добро и справедливость. Никогда не забывайте об этом...

Нет, не слышат. Ладно, пора заканчивать. Тогда можно будет заглотнуть анальгина и, надавав ребятам несложных заданий, выскочить из этой душной конуры.

А еще здесь воняет. Или это только кажется? Где там: окна зарешечены, форточки заварены, кроме одной, с замком, ключ от которого Игорь всегда носил с собой, – вот и копится тяжелый невымытый запах. И сколько не заставляй девчонок стирать простыни, драить полы и стены, всё равно воняет, как в спортивной раздевалке.

– Церемония Возвращения окончена, дети мои. Придите же в дом Господа нашего и вручите ему свои заблудшие души.

Игорь по очереди подошел к каждому, прикоснулся ладонью ко лбу, неслышно шевеля губами, словно читал про себя молитву. У некоторых сразу разгорались глаза, они судорожно хватали его кисть цепкими пальцами, пытались целовать.

– Спасибо, Учитель! Если бы не вы...

Денис, Стас, Викуся, Юльчик.

Приходилось мягко, но настойчиво высвободить руку, кивать с улыбкой, успокаивать привычным слоганом: «Ты больше не одинок, Денис, мы вместе» или «Ты больше не одна, Викуся, мы вместе» и переходить к следующему.

Нюша – сокращение от Надюша, Надя... Леонид по кличке Леон: его называли по имени любимого героя, сентиментального убийцы из старого французского фильма.

Но попадались и другие. Мрачные, отрешенные глаза, синюшные веки, худые руки в цыпках, крестом сложенные на коленях.

Антон, Олег Пустой, Ириска...

Они, казалось, даже не чувствовали прикосновения, лишь чуть-чуть вздрагивали, но отстраниться все-таки больше не пытались. Хорошо, что хоть какой-то сдвиг, но работы непочатый край. Неблагодарной, скучной работы. Э эх! То ли дело Оксана! А эти? Сколько на них потрачено времени, сил и денег, а отдача почти нулевая! А сколько еще предстоит? И если бы знать, что получится...

Ладно, хватит. Всё равно сегодня не до размышлений. Утро вечера мудренее – завтра, на свежую голову, можно будет обо всем подумать.

Светлана или попросту Ланка. Алла. Вечер... Он так подписывался в Сети и так же представлялся в реальной жизни. Как его зовут по-настоящему, не знал никто.

Ну вот, наконец, и последняя. Оксанка. Гордость Игоря, его главный и последний успех. Он не только смог вернуть ее, но и сделал своей первой помощницей. После того как окончательно излечился Вячко-Вячеслав, только она одна и осталась, если не считать Ньюшу в разгар действия таблеток.

Правда, в Оксанке еще таился где-то внутри тот липкий страх, омерзение и полуобморочная гадливость, которую ей довелось пережить в скрипучем вагончике сезонных рабочих. Пока она так и не смогла сделать хотя бы шаг в чернильную тьму неосвещенной кладовки.

Но теперь, по крайней мере, Игорь не побоялся бы оставить ее в комнате с открытым окном.

Оксана тоже перехватила его руку, но не стала подносить к губам – знала, что Учитель этого не любит. Просто на короткую долю секунды прижалась щекой к тыльной стороне ладони. Потом отпустила и сказала очень тихо и очень серьезно:

– Благодарю, Учитель. Скажите, что нужно сделать для ва... – Игорь не успел нахмуриться, она почти сразу поправилась, – ... для всех нас.

– Не здесь. Пойдем на кухню.

Отвернувшись к окну, он достал из нагрудного кармана пузырек с анальгетиком, заглотнул разом две таблетки. Путаясь в связке, с трудом нашел нужный ключ, отпер замок форточки, судорожно вдохнул свежий морозный воздух. Выбил из пачки сигарету и, невзирая на участвовавший пульс в висках, закурил, надеясь хотя бы «Честерфилдом» задавить душную вонь, к которой на кухне примешивались запахи подгоревшего масла и несвежей еды.

Оксана аккуратно собрала тарелки с остатками завтрака, сунула в мойку, протерла стол куском старой газеты. Встала рядом, не сводя с Игоря серьезных и одновременно восторженных глаз. Не проронив за всё время ни слова – знала, что Учителю нужно подумать.

Она любила видеть его вот таким: серьезным, нахмуренным, сгорбленным. Казалось, этот человек взвалил на себя непосильное бремя, шутка ли – почти три десятка суицидеров, от которых отмахнулись все: и психотерапевты, и больничные психиатры, и даже родственники. Только за то, что Учитель сделал для нее лично, она готова была на всё. На самое тяжелое служение.

А ведь он и других вытягивал. Не одного, не двух – десятки! Да еще консультировал посетителей сайта, а их там тысячи полторы, не меньше. Не всегда получалось, конечно. Честно говоря, идеального результата удалось достигнуть лишь дважды: с ней и еще с одним парнем – Вячеславом, которого Оксанка никогда не видела, но по рассказам знала как давнего приятеля. Но ведь Игорь... Учитель в самом начале пути – и года еще не прошло со дня открытия Приюта. Четверо погибли в самом начале, он не успел достучаться до них, потом еще трое, но дальше произошло невероятное – он остановил их! Остановил на грани, у самого порога. И держал там десятый месяц.

И еще. Учитель познакомил ее с Олегом. А сейчас спасал и его, не обращая внимания на прогнозы врачей и на страшную безысходность в душе парня. Ох, не зря ему дали такую странную кличку: Пустой.

«Надо поговорить с Учителем об Олеге, – подумала Оксана. – Эти его странные фантазии... Вдруг они опасны? Он так разумно всё объясняет, в первый раз я даже почти поверила. Ему надо помочь. Может, я смогу?»

И еще. Я обязательно должна рассказать о темном проеме, что снится мне с *того* самого дня».

– Ксанка, – Учитель называл их всех немного иначе. По-своему. Чтобы в любом шуме и гвалте, во сне или даже в самом тяжелом состоянии они сразу поняли, кто зовет. – Ксанка, мне сейчас нужно уйти. Надолго, возможно до завтра: много дел в городе. Посмотри, пожалуйста,

что у нас с едой, с водкой, с лекарствами. Посчитай и скажи, сколько осталось, если чего не хватает, я куплю.

– Хорошо, – она кивнула, уже что-то прикидывая про себя.

«Может быть, рассказать сегодня? Конечно, он выглядит усталым, но ведь сил нет терпеть! Стоит только заснуть, как ненавистный проем выплывает прямо на меня и медленно, медленно ползет вперед...»

– Вечером, перед сном пусть выпьют водки. Тем, кто тебе помогает, – по глотку. Остальным – по два стакана. В общем, как обычно. Поняла?

Каждый раз, когда приходилось надолго оставлять своих «пациентов» дома, запирая дверь и окна, Игоря мучили неприятные предчувствия. Но не пошлешь на улицу ту же Оксану с ее извечной боязнью узких проходов и темных подворотен. А кормить ораву голодных ртов всё равно надо. Ну, и не только кормить... И развлекать тоже. Точнее – отвлекать. От невеселых мыслей и деструктивных поступков.

А это деньги, и деньги немаленькие. Вот и приходится «добывать». Разные есть способы – одни лучше, другие не очень. Но цель-то оправдывает средства, разве нет? Что бы там не говорили, но в результате у этой глупой ребятни будет возможность прожить еще неделю.

– Хорошо, Учитель. А с Катёнкой что делать? – Оксана кивнула на спящую в углу девушку.

За всё время та даже не пошевелилась, скорчившись в неудобной позе. Убойная доза эйфорина сделала свое дело – на губах Кати-Катёнки блуждала неуверенная улыбка, по подбородку стекала слюна, руки беспокойно шевелились, ощупывая пространство вокруг. Глаза девушки были закрыты, но веки то и дело вздрагивали, как будто зрачки под ними безуспешно пытались что-то рассмотреть.

Игорь поморщился правой стороной рта, так, чтобы не видела преданная Оксанка.

А чем еще прикажете вытаскивать эту сколовшуюся дуру, если она, едва заканчивается действие эйфорина, разом вспоминает всё, что сделала, царапает ногтями обои, надеясь добраться до проводки, или порывается вскрыть себе вены любой подвернувшейся под руку вещью, даже щепкой?

Катёнка кололась лет с двенадцати. Кололась по-страшному. Родители у нее умерли, за воспитанием особо никто не следил – да и что там может сделать дряхлая бабка! Девушку обучила улица. На какое-то время полегчало, когда нашелся парень, из своих же, дворовых, что взял ее к себе и даже хотел жениться. Ему удалось ослабить тягу к игле, но расписаться они не успели. Катя забеременела, а будущего мужа неожиданно призвали в армию, на Северный флот.

И игла снова вернулась в Катину жизнь. Она кололась до родов, и после, и вообще всё время. Удивительно, как ей удалось родить здорового сына. Однажды, находясь на «кумаре», Катя взяла годовалого Димку и поехала к старым знакомым – цыганам. Только собиралась она не просто купить дозу – денег не было, а заложить ребенка в долг на пару часиков, «сейчас, мол, съезжу к другу, займу и вечером отдам». Сменяла, короче, сына на пару уколов.

Получив искомое, Катя купила две дозы, укололась и благополучно забыла, что должна вернуться за ребенком. Только через неделю кто-то из знакомых, узнав в малыше Димку, выкупил его и привез к незадачливой «мамаше». Соседи говорили – крик стоял на весь двор! Даже избили ее вроде и прямо при сыне пообещали, что отпишут мужу, он приедет и покажет, как дитем торговать.

Но не подействовало. Самое страшное произошло несколько месяцев спустя, когда Димка только-только отметил свой второй день рождения. Катя поехала к знакомым под Александров: они растили на приусадебном участке коноплю и обещали кумар совсем задешево. По пути, на проселочной дороге где-то во Владимирской области Димка потерялся – обкуренная мать заплутала в лесу, промахнувшись мимо тропинки на платформу. Нашли его только позд-

ней осенью. Экспертиза показала: мальчик погиб мучительной смертью – его загрызли лесные звери или собаки.

Катин муж, узнав обо всем, повесился в каптерке во время дневного дежурства. А сама она, находясь на очередном «кумаре», за два дня до похорон сына взяла подаренный соседом детский костюмчик – для гроба и вновь поехала к любимым цыганам. Нашла, наконец, что еще можно заложить, хорошо хоть гробик не прихватила.

Лишь тогда друзья мужа сдали Катю в диспансер на принудительное лечение. Не без труда ее удалось привести в более или менее вменяемое состояние. И она сразу же вспомнила многое, а что не вспомнила – рассказали. Самым страшным для нее оказалась даже не гибель Димки. Хуже всего, что в наркотическом угаре она просто забыла, где похоронены ее сын и муж.

Вечером того же дня Катя в первый раз попыталась покончить с собой.

Потом еще трижды.

Из наркодиспансера ее перевезли в Матросскую Тишину, где она пролежала год. Потом сбежала, бомжевала на вокзалах, бездумно бродила по городу, совершенно не заботясь о еде, одежде, крыше над головой. В конце концов, ее занесло в какой-то подвальный притон, где она, скорее всего, снова бы села на иглу до первого передоза, но здесь ее нашел Игорь и привез в свой Приют.

– До ночи она от лекарств не отойдет. Так что всё нормально. А как только хоть немного соображать начнет – отведи ее в туалет, иначе под себя сделает, сама знаешь.

Оксана смущенно кивнула, опустила голову, стараясь прикрыть локонами покрасневшие щеки. Говорят, когда Учитель вот так же, лекарствами и водкой вытаскивал ее саму, она не удержалась. И Игорь тогда на руках отнес ее в ванную, вымыл и переодел. Впрочем, он сам никогда с ней об этом не заговаривал, разве что намекал, вот так же, как сейчас.

– Потом нальешь ей водки и уложишь спать. А утром я приду, посмотрим, как она.

Девушка кивнула, но не ушла, переминалась рядом, явно собираясь еще что-то спросить. Игорь выбросил окурок, запер форточку, присел на край стула, посмотрел Оксане прямо в глаза.

– Ты что-то хотела сказать?

– Учитель, – храбро начала Оксана и почти сразу же стусевалась. Ну что она, в самом деле, лезет со всякими глупостями! Да и боязно... Вот так, просто взять и рассказать про этот темный проем? – Я... можно мне... могу я задать вам вопрос?

– Конечно, Ксана. Я внимательно слушаю.

– Понимаете, я...

На самом деле, Игорь почти не слышал, что она говорит. Какой-то там проем, темнота, плавающие черные пятна – чушь! Понятно, конечно, откуда у нее эти ужасы, но с главным-то он уже справился, а всякую мелочь пусть добивает сама. Он не всесилен. И если размениваться на глупости, то на всех не хватит.

– Ксана, скажи... только прежде очень серьезно подумай и отвечай честно: это важно для тебя? Именно сейчас? Или ты попробуешь разобраться со всем этим сама, а потом – если не получится – придешь ко мне, и мы вместе постараемся побороть твои страхи?

Сегодня Игорю не хотелось вести душевительные беседы. Ни с кем, даже с Оксанкой. Чертова голова болела так, что он с трудом понимал слова. Хотелось скрипеть зубами и морщиться, а ей ведь нужно совсем другое. Чтобы он сидел и вещал всякую благостную чушь с доброжелательной миной: не бойся, мол, всё хорошо.

Скорей бы подействовали таблетки! И на улицу, на свежий воздух, иначе от этой душной вони его точно вывернет.

Оксане стало стыдно. Ну что за эгоизм, в самом деле! Учитель тянет на себе почти тридцать человек, а она собралась ночными страхами делиться. Дура!

– Нет-нет, я просто хотела... ну, я думала, что вы... – Она окончательно запуталась в словах, замолчала и чуть было не расплакалась.

– Ну, хорошо. Тогда давай отложим на завтра. Обсудим всё, что ты увидела этой ночью, и вместе подумаем. Ладно? А сейчас посмотри, что нам нужно, составь список, пока я буду собираться. И не забывай за всеми присматривать – я на тебя надеюсь. Особенно за Олегом.

– Конечно!

Она улыбнулась, мгновенно забыв и слезы, и ночные видения. Конечно, за Олегом она присмотрит в первую очередь, тут даже и говорить нечего. Ей это только в радость!

Оксана снова схватила Учителя за руку, прижала к щеке и быстро ускакала в комнату. Игорь посмотрел ей вслед, вздохнул с облегчением: ну вот, всё уладилось. Никакой болтовни с больной головой, никаких психологических этюдов. Девочка занята и – самое главное – счастлива.

И с Пустым хоть какой-то просвет появился. Игорь готов был махнуть на парня рукой – тот твердо решил закончить эту жизнь, чтобы начать следующую, которая, как он верил, вряд ли будет хуже. И последовательно шел к своей цели. Год назад Олег разом потерял любимую, веру в людей и смысл жизни, и на него давно уже не действовали разговоры и проповеди. Таблетка эйфорина утром, два стакана водки вечером – вот и вся реабилитация. И вдруг совершенно неожиданно между Ксаной и Олегом появилась какая-то странная симпатия, любовь – не любовь... сразу и не скажешь. Они просто сидели вместе часами, Пустой что-то вполголоса объяснял новой подруге короткими рваными фразами, девушка слушала, кивала, то ли в самом деле соглашаясь, а может, чтобы не расстраивать недоверием.

Игоря совершенно не волновало, о чем они шепчутся. Всё идет хорошо. Поговорят, успокоят друг друга, может, приласкают еще. И кошмары будут пореже сниться.

Сквозь тягучий, мучительный полусон-полубред откуда-то снаружи просочился крик. В любом другом случае Олег и внимания бы не обратил – мало ли здесь стонов и воплей, но голос показался знакомым. Кто это здесь, в его собственном сне? Любопытство потянуло за собой, и он полез, полез вверх, как водолаз из океанских глубин, высвобождаясь от тяжелого гнета видений и не менее тяжелого похмелья.

С трудом разлепив распухшие веки, он обвел взглядом комнату. Пустой стол, кресла с изодранной обшивкой, рядом на лежанке спит, свернувшись эмбрионом, кто-то свой, привычный, но кто – со спины не понять. Из-под короткого пледа видны только худые ноги в потемневших от грязи и пота полосатых носках. У стены свалена использованная пластиковая посуда – ножи, вилки, стаканы. Ждет Учителя, кроме него на улицу никому выходить нельзя. Да и не пойдут – не тянет. Кому-то, как бедной Оксане, страшно, а таким, как он сам, давно уже всё равно.

В углу, рядом с ножкой стола примостилась недопитая бутылка водки. Наклейка отодрана, но и так понятно, что это за прозрачная жидкость в простой стеклянной бутылке.

Кричала Оксана. Она сидела на диване, вжавшись в угол, как перепуганный котенок, дрожала и всхлипывала.

Олег сполз с лежанки вниз, встал на четвереньки. Его мутило, пол ходил ходуном, стены всё время норовили куда-то разъехаться. Он зажмурился, слегка, чтобы не вызвать новое светопреобразование, помотал головой и, преодолевая страшную ломоту в костях, пополз к дивану. Сухой, тяжелый и непослушный язык с огромным трудом ворочался во рту. И всё же, протолкнув воздух сквозь саднящее горло, ему удалось... нет, не сказать, скорее – выдавить слова по капле, будто пасту из опустевшего тюбика:

– Не кричи... Оксанка, не надо. Сейчас... я приду... и всё будет... хорошо...

Поднять голову, чтобы посмотреть, услышала она или нет, он не мог – мир бы опять перевернулся. Но всхлипы затихли. И вдруг рядом оказался кто-то близкий и родной, обнял и прошептал:

– Олечка... мне страшно. Я так больше не могу.

На следующий день, ближе к полудню, отдохнувший и посвежевший Игорь, поставив набитые сумки у стены, звенел ключами и предвкушал, как сейчас, едва он откроет дверь, к нему бросится Ксанка, прочие девчонки из нормальных, парни подойдут, чтобы пожать руку и взять сумки. Может, кто-то из «тяжелых» пришел в себя, почувствовал радость жизни и тоже встретит Учителя на пороге.

Дверь открылась. Странно, но за ней никто не стоял, коридор вообще был пуст, лишь в дальнем конце, у кухни кто-то спал прямо на полу, шумно дыша и ворочаясь.

– Ксанка! – позвал Игорь.

Молчание. Из угловой комнаты доносился богатырский храп и невнятные стенания. Учитель улыбнулся: Леона и Стаса, похоже, опять положили на одной кровати.

Он свалил сумки в прихожей, скинул ботинки. Как был, в плаще, прошел на кухню. Может, Ксана готовит, как обычно в это время, и потому не слышит?

Но и там ее не оказалось. На стуле развалилась Ириска, сопя и причмокивая открытым ртом. Грязная рубашка немного задралась, обнажив живот и краешек нестираного лифчика. В углу всё так же спала Катёнка. Игорь удовлетворенно кивнул: пол под ней сверкал чистотой. Молодец, Ксана! Только где она? Уйти из Приюта девушка не могла – ключи есть только у него. Что за глупые прятки?!

Он нашел их в ванной. Пустой и Ксана сидели на полу, навалившись спинами на выщербленный край чугунной лохани. Олег обнимал поникшую девушку свободной рукой, другая – с распоротыми венами – лежала на колене, сжимая в кулаке ладошку подруги. Ее запястье пересекала такая же неровная буро-коричневая полоса с лоскутьями кожи. Стекая вниз, их кровь смешивалась, пока не запеклась на полу багровым ковром.

Осколки разбитой бутылки веером разлетелись по кафелю. Самый большой, наполовину окрашенный карминовым Пустой держал в правой руке, чуть касаясь острой гранью Оксанкиной шеи. Остекленевшие глаза обоих смотрели в неведомую бесконечную даль.

Игорь считал, что он давным-давно убрал из квартиры всё сколько-нибудь пригодное для суицида. Вилки и ножи заменил на пластиковые, замуровал розетки на кухне и в ванной, даже посуду купил небьющуюся.

Но если человеку что-то очень надо, он всегда это найдет.

* * *

Савва постучался в кабинет Чернышова ровно в десять. Секунда в секунду, как вызывали. Пригладил бороду и – в ответ на приглушенное «войдите» – открыл дверь. Командир сосредоточенно щелкал клавишами компьютера, рядом сидел Даниил, как всегда молчаливый и бледный.

Артем поднял голову, кивком поздоровался:

– С праздником, Сав. Проходи, садись.

Корняков стянул офицерскую полевую куртку («Привет, Даня, как спалось?» – «Милостью Господа, хорошо»), уселся на неудобный вертящийся стул.

– Что случилось, командир? Неужели кто-то из наших клиентов работку подкинул! И когда только успел! Нет, чтобы отдохнуть до девятого, как все люди.

– Хорошо бы они всё время отдыхали, – сказал Даниил.

– Кто ж спорит, Даня, славные времена б настали. Только так не бывает. Чувствую, командир приготовил для нас очередную пакость.

– Не балагурь! – Чернышов отодвинул клавиатуру, развернулся в кресле. – Веселого мало. Вчера рано утром в съемной квартире на Грайворонском проезде, вскрыв друг другу вены, покончили с собой двое молодых людей. Олег Пустин, двадцать один год, и Оксана Линчуковская, девятнадцать лет.

– Господи, прости несчастным заблудшим душам этот грех! – пробормотал Даниил, перекрестился.

– Хреново, конечно, – Корняков помрачнел. – Но разве это по нашей части?

– Прибывший на вызов наряд обнаружил в квартире еще двадцать четыре человека в разной степени алкогольного и наркотического опьянения. В основном – молодые ребята от шестнадцати до двадцати двух лет, одиннадцать парней и тринадцать девушек. Но на притон не похоже, хотя на кухне и нашли небольшой запас наркоты и восемь бутылок водки. Препараты в основном легкие, антидепрессанты – эйфорин и производные экстази, водка нормальная, не самопал. Да и обстановка в квартире несколько иная, чем обычно бывает в притонах. Я только что прочитал докладную: решетки на окнах, форточки и рамы заварены, комнаты забиты лежанками, диванами и спальными мешками. На гостиницу гастарбайтеров не тянет, у всех были паспорта. С московской или областной пропиской.

– Похоже на секту...

– В том-то всё и дело, что только похоже. Информации по этой квартире и по съемщику навалом. И у местных, отделенческих ментов, и у ОБНОНа. Только прижать особо не за что. Да и не так просто.

– Почему это?

– Съемщик вообще колоритная фигура. Вот посмотри.

Артем перебрал через стол несколько снимков. Моложавый мужчина на фото больше всего походил на... православного священника: благообразный вид, окладистая, чуть подернутая сединой борода, длинное черное пальто. Общее впечатление портил лукавый, с хитринкой взгляд.

– А! – Корняков хлопнул себя по колену. – Религиозный мошенник!

– Тоже не совсем. Очень интересный персонаж – всего понемногу и ничего совсем. Знакомьтесь: Игорь Анисимович Елагин, тридцать три года, холост, безработный, числится на бирже труда.

– Не тяни, командир. Рассказывай про этого гаврика.

– Почему он так выглядит? – спросил Даниил. – Он что, иерей?

– Почти в точку, Даня. Но, как и всё с этим деятелем, – почти, но не совсем. Восемь лет назад он поступил в семинарию, даже отучился там какое-то время, но потом его отчислили. Характеристика чрезвычайно лестная, вот, смотри... – Чернышов открыл на компьютере какой-то документ, зачитал прямо с экрана, – ... авторитарный склад характера, товарищей старался подавить волей или знаниями. Для жизни в общине не приспособлен, для пастырского служения чрезвычайно опасен. Дальнейшее обучение не рекомендуется, получение сана не рекомендуется категорически.

– Забавный парень.

– Это только цветочки, Сав. Дальше – больше. Потерпев неудачу с духовной стезей, Елагин подался в психотерапевты, прошел трехмесячное обучение, даже диплом какой-то фиктивный получил. И – судя по всему – возомнил себя великим духовником и психологом. Квартира, где нашли самоубийц, числится за вполне официальной организацией. Зарегистрированной, со счетом в банке, реквизитами и всеми разрешительными документами. Внешне всё очень даже невинно. Называется «Реабилитационный кружок помощи потенциальному суициду».

– О как! А что ж эти двое тогда...

– Этот вопрос Елагину задавали уже не раз. Пустин и Линчуковская – не первые самоубийцы в его квартире. За время существования «кружка» погибли семь человек. Теперь девять. И ничего нельзя сделать. Не подкопаешься, даже по статье «доведение до самоубийства» не привлечешь. Во первых, Елагин клянется, что всё обстоит совсем иначе. Он, мол, выискивает в Сети и на улицах молодых глупцов, готовых к суициду, селит их на этой квартире – кстати, оказывается, она тоже свое наименование имеет, громкое и пафосное: Приют. Елагин их кормит-одевает, развлекает даже, стремясь отвлечь от деструктивных мыслей. Мнит себя великим психологом и считает, что вот-вот всех вылечит. А во вторых, он, оказывается, популярная личность. Любимое детище либеральной прессы и правозащитных организаций.

– Ну как же, – процедил Савва, – герой, небось. Бессердечное государство плюет на проблемы молодежи, по улицам бродят два миллиона беспризорников, и вот нашелся, наконец, благородный спаситель глупых девчонок и пацанов. Вроде наших старых знакомых из «Зеленого луча»...

Даниил вздрогнул, чуть приподнялся, собираясь что-то сказать. Корняков почти сразу понял свою ошибку.

– Прости, Дань, вырвалось. Не хотел тебе напоминать. Но те гады тоже в спасатели рядились, работу, мол, детишкам даем, благоустроенное будущее. Может, и этот с ними в одной куче?

– Да нет, всё чисто, никакого сексуального давления. По крайней мере, никто не заявлял. Пациенты уж точно. Судя по всему, они вообще на него молятся, Учителем величают. Он же в семинарии всякой церковной риторики нахватался, скрестил с дедушкой Фрейдом и кое-какими бредовыми теориями собственного производства, а в итоге получилась почти секта с псевдоправославной базой.

– Опять почти?

– Опять. Потому что Елагина и здесь нечем прищучить. Подопечные на него не пашут, скорее наоборот – он сам вертится, как белка в колесе, чтобы их содержать, квартиры никто не переписывает, на счет в банке если чего и падает, то исключительно пожертвования. От фондов благотворительных да от частных лиц. Судя по тому, что удалось накопать, – от родителей некоторых пациентов.

– Нет, точно герой! Только вот ребятишки почему-то вены режут, – мрачно заметил Корняков.

– Сав, не говори так! Я даже представить не могу, что должно случиться, чтобы человек сам, по собственной воле лишил себя самого ценного из всего, что даровано Господом.

– Но это же правда, Дань! «Всё хорошо, прекрасная маркиза», а люди гибнут.

– Он даже слово специальное изобрел: суицидеры. – Артем собрал со стола фотографии, положил в папку. – О тех, кто погиб, скорбит, но, говорит: остальных-то по своей методике я вытянул. А их поболее будет.

– Судя по тому, что случилось вчера, методика слегка прогнила.

– Да какая там методика, Савва! Он в семинарии пробыл меньше года, да и психотерапию за три месяца не изучишь. Думаешь, он с ними душевспасительные беседы вел и сеансы психоанализа? Ну, с кем-нибудь, может, и вел, но в основном, судя по многочисленным рапортам участкового, Елагин своих пациентов просто спаивал.

– Как?

– Элементарно. После первых случаев понял, что добрым словом ничего не добьешься, и решил проблему кардинально. Только средства выбрал не самые подходящие: потенциальных суицидеров на краю жизни удерживали водка и легкие наркотики. Грубо говоря, Приют превратился именно в притон. И на какие средства всё это делается – неизвестно. Вот так.

– Раз наркота есть, почему ОБНОН его не повяжет? – спросил Савва после недолгого молчания.

– Объемы не те. Две-три дозы эйфорина, таблетка-другая экстази. За мелочь арестовывать себе дороже – крик на всю страну поднимется. Есть версия, что наркотой он все-таки немного приторговывает, отсюда и деньги на всё, и постоянный доступ к антидепрессантам. Но проследить ни разу не удалось. В общем, поскольку в кружке Елагина есть и признаки секты, и религиозное мошенничество, и колеса – всего понемногу, дело решили передать в Анафему. Отец Адриан распорядился: в самую лучшую группу.

– То есть нам? И с перспективой облажаться на всю страну, если что будет сделано не так?

– В точку, Сав. Пресса нас живьем съест. Она Елагина любит, как теленок соску: что ни месяц, он им новую сенсацию подкидывает. Наш парень, хоть ни на духовника, ни на психотерапевта толком не выучился, общественным мнением управлять умеет. Да и реклама вроде не навязчивая, а цепляет. Слоганы – высший класс. На сайте так и написано: «Здесь тебе помогут. Ты больше не одинок».

– У него и сайт есть? – удивился Корняков.

– Сайты сейчас у всех есть, но этот, я тебе скажу, вполне профессионально сделан. Суицид. нет. А на первой странице висит специальный тест. Называется «Какой из вас самоубийца?». Вопросы вроде шуточные, но знаешь, – Артем пододвинул к себе клавиатуру, – в каждой шутке есть доля правды. Я вчера его прошел из интереса...

– И что? – с живым интересом спросил Корняков.

– Читайте.

Артем развернул монитор. Савва и Даниил придвинулись ближе. На экране мерцали серебристые строчки: «Вы – страшный самоубийца. Вы настоящая гроза общества! Вы ангел смерти. Нет, вы не уйдете из жизни просто так, вы потащите за собой всех врагов, вы сделаете из вашей смерти историческое событие. 11 сентября померкнет, когда в эфир выйдут новости, сообщающие подробности вашего самоубийства! Лишь бы не оказаться рядом с вами, когда вы захотите убить себя».

Даниил отшатнулся от экрана, перекрестился. Савва молчал с минуту, поднял бровь и удивленно покачал головой.

– Нет слов. Сижу и дрожу.

– Ладно, не подкальвай. Я специально самые жесткие варианты ответов выбирал, чтобы на результат посмотреть.

– Ну... серьезно получилось.

– Очень. А теперь представь, что такой результат огреб прыщавый паренек лет семнадцати, обиженный на весь мир, который уже второй месяц засыпает с идеей «вот умру, и вы все пожалеете!». Понимаешь? Он верит, что нашел единомышленников, читает «ты не одинок» и прет на сайт, а потом и в Приют. Я почитал, что они пишут, – волосы дыбом встали. Темы для разговоров – красота суицида, самоубийство в день рождения, какой способ наилучший, содержание предсмертной записки и так далее. Даже думать боюсь, о чем они в «кружке» друг с другом беседуют. Елагин, похоже, сам не понимает, какую страшную машину разрушения подложил под свои прогрессивные методы.

Савва с Даниилом переглянулись.

– В смысле?

– Ну, как я понимаю, Елагин не может над ними вечно нянькой сидеть, так? Когда-то приходится выйти на улицу, за едой, за деньгами, за наркотой наконец. Пациенты остаются одни, все вместе в малогабаритной трехкомнатной квартире. Предоставленные сами себе, запертые в глухой коробке о четырех стенах – помните, заваренные форточки? – да еще после алкогольного или наркотического депресняка. И вместо правильных дум о смысле жизни, они подпитывают друг друга негативными эмоциями, с каждой фразой уверяясь в правильности своего выбора. В такой атмосфере суицид не просто вероятен, он – обязателен. Или скажете, что я не прав?

Контроллеры молчали. Чернышов протянул папку Савве, кивнул Даниилу.

– Здесь всё по Елагину. Почитайте, посмотрите, что и как. Будут какие соображения – сразу ко мне. На Грайворонском потолкаться тоже не вредно. Только, Сав, без тотальной войны, штурма и перманентного насилия, пожалуйста. Спокойно наблюдать, отслеживать контакты. Ясно?

Корняков хотел вытянуться во фронт, щелкнуть несуществующими каблуками, но вовремя вспомнил о тех двоих, что лежат сейчас рядышком на холодном прозекторском столе. В последний раз вместе на этой Земле.

Зима. Благодатная почва

Чернышов с утра опять уехал на Петровку. Вернулся поздно, когда Савва с Даниилом уже дописывали ежедневный отчет и собирались домой.

– Что нового?

Промерзший за день малопродуктивной слежки Корняков мрачно сплюнул:

– Ничего. Мотаемся за Елагиным, как дворняжки на привязи, смотрим, записываем. Новички в Приют идут, валом не валят, но пятерых я сам видел. Две девчонки были, потом еще одна, правда, все трое вечером поехали домой, но последняя через день вернулась, да и потом не раз появлялась. Паренек у подъезда долго стоял, Елагина поджидал. Другой сам добрался, правда, по бумажке, даже у нас спрашивал, как пройти. Оба назад не вернулись, разве только ночью, пока мы не видели. Еще одного привез на такси сам гуру – тот еле ноги переставлял, бедняга. Скорая приезжала несколько раз. Я с водилой немного потрепался: говорит, часто, приезжаем из запоя выводить. Жизнь кипит, в общем. Соседи ментов вызывают через два дня на третий, считают, что за стенкой притон угнезвился. Только участковый да отделенческие не слишком в Приют рвутся, знают, что стоит им появиться, как через час-другой вокруг подъезда будет стоять целая батарея телекамер. Мы этот спектакль уже видели. Сегодня утром тоже приезжали, покрутились немного и довольно быстро слиняли. Потом опять скорая побывала. Что еще? Наркоту Елагин берет всё у того же дилера – Стапеля, ну, ты помнишь, я писал в докладной: мелочь уличная, ничего серьезного. Объемы стандартные, пять-десять таблеток. За жратвой психолог наш сам ходит, за водкой тоже. Вчера ездил в Подольск – там у него друзья по семинарии, такие же недоучившиеся, обиженные на весь свет. Несколько раз в малоприметных кафе встречался с людьми. Судя по разговору – просил денег.

– Это, наверное, родители...

– Да, похоже. Даня проследил до дома одну парочку, потом пробрили по базе – Анна Леонтьевна и Виктор Григорьевич Ракитины. Их сын, Антон Ракитин постоянно живет в Приюте.

– Уже не живет, – сказал Артем, положив на стол несколько бумажных листков. – Сегодня ночью он покончил с собой. Скорая, которую вы видели утром, за ним приезжала. Вот выписка из заключения патологоанатома: «...содержание спирта в крови...» Так, так, где же это? А! Вот! «...наличие большого количества воды в легких при отсутствии видимых признаков отравления и сердечной недостаточности позволяет предположить, что смерть наступила в результате утопления...»

Савва недоверчиво покачал головой, пробежал глазами выписку, чертыхнулся, протянул документ Даниилу.

– Твою мать! Как это мы проворонили?!

– Елагин договорился с врачами, чтобы вынесли, не привлекая лишнего внимания. Даже его защитники из СМИ пока еще ничего не знают. Слишком уж страшная смерть парню досталась. Елагин-то, не будь дураком, окна замуровал, розетки выкрутил, всё, чем можно вены резать, попрятал, но Антону Ракитину, видно, наш мир осточертел до печенок. Он четко сработал: наполнил ванну, а потом сел на бортик и принялся лить в себя водку, пока не свалился головой в воду и не захлебнулся.

– Что?!!

Даниил поник, опустил голову. Взгляд инока потух, а сам он как будто похудел и съжился.

– Господи, упокой его душу грешную! Зачем он?..

– Не знаю, Дань. По муровской статистике он не проходил, попыток суицида раньше не было, похоже, Елагин успел его раньше перехватить. Но остановить у себя в Приюте так и не смог. А самое главное, что Антон столь жуткий способ не сам придумал – у них на сайте

раздел есть, называется «способы смерти», там отрывок из какой-то психологической книжки цитируется. В общем, один в один.

– А Елагин – что, за сайтом не следит?

– У него там специально нанятый человек резвится. Посещаемость повышает, слоганы сочиняет, чтоб народ привлекать, пишет от имени приятников позитивные сообщения: приходите, мол, к нам, Учитель вам поможет. В итоге число зарегистрированных подписчиков за две тысячи перевалило.

Зазвонил телефон. Чернышов снял трубку, коротко переговорил с кем-то, явно из муровских. Савва мрачнел всё больше, теребил бороду.

– Ты нам опять что-то не договариваешь, Артем.

Старший контроллер спокойно выдержал взгляд Корнякова.

– Есть одна теория. ОБЭП немножко покопал финансовые дела Елагина. Как оказалось, «Реабилитационный кружок» не слишком богатая, но вполне солидная контора. И что самое главное – популярная. Доблестная пресса сделала нашему психологу имя, он теперь борец за жизнь и права детей номер один, и ему изредка капают грантики от всяких благотворительных фондов. И как мне кажется, либо сам Елагин, либо кто-то за его спиной решил на этом деле заработать. Так что новые смерти в Приюте ему не выгодны...

– Командир! Нельзя же так спокойно об этом говорить! – воскликнул Даниил. – Они не просто умирают. Они грешат против Бога, одно намерение наложить на себя руки страшно, а деяние – вдвое страшнее.

Чернышов нахмурился.

– Не нам их судить, Даня. Мы не знаем, что пережили Ракитин, Линчуковская и Пустин, а если и узнаем, то лишь по документам, и никогда не сможем понять их по-настоящему, пока сами не испытаем того же. А спокойно я говорю, потому что не пришло еще время горевать. Придет срок – всех оплачем. И чем быстрее мы накопим материал на этот поганый Приют, тем больше вероятность, что список погибших не увеличится.

– Прости, Артем.

– Ничего, я всё понимаю. Вернемся лучше к Елагину. Готовый имидж у него есть, и портить светлый образ ему совсем не интересно. Потому врачи несчастного Антона втихую и вынесли, не за спасибо, само собой. Но если так пойдет и дальше, то пациентов у Елагина будет становиться всё меньше, да и не нужны они теперь. Думаю, в ближайшее время он вынужденно или наоборот, следуя давным-давно продуманному плану, перенесет свою основную деятельность в Сеть, раздавая советы и консультируя несчастных на сайте. Количество посетителей растёт, и чем больше их будет, тем больше денег можно стянуть с благотворителей. Вот, мол, вчера я две тыщи человек спасал, а сегодня уже две с половиной. Скоро и десять спасу, дайте срок. Ни один телефон Доверия со мной не сравнится.

– Как-то мудрено звучит, – заметил Савва. – Чересчур сложная схема. Да он на той же наркоте в десять раз больше сделает. И намного быстрее.

– Я же сказал – теория. Может, Елагин не денег хочет, а славы. Отыграться, так сказать, за отчисление из семинарии. Или надеется на всеобщее признание своих психологических талантов. Из ОБЭПа обещали раз в неделю присылать сводку по его денежным делам, посмотрим, может, чего и изменится. А вы смотрите за всеми, кто в Приют приходит, проследите, где живут, данные пробейте. Ясно? Тогда давайте работать.

* * *

Сначала Иринке на сайте не понравилось. Мрачновато, с уклоном в готику, да и материалы какие-то невеселые – отрывки из книг с описанием суицида, предсмертные записки известных самоубийц, дневники. Но зато на форумах оказалось интересно. Там верховодили

парень с ником Вечер и три девчонки – все из какого-то Приюта. Народ говорил обо всем, и если не в каждом сообщении сквозил позитив, то, по крайней мере, его было много. Куда больше, чем в ее теперешней жизни, когда отключенный телефон валяется в пыли за диваном – чтобы *никогда* больше не звонил, – а общение с мамой происходит через дверь и на повышенных тонах.

Утро для нее теперь начиналось с многоцветных огоньков на передней панели, шуршания вентилятора и мельтешения строчек первичной загрузки. А дальше – короткий бег по ссылкам в папке «Избранное» и заветный клик на Суицида. нет.

Если на форуме не обнаруживалось ничего нового, Иринка шла в чат. Там всегда можно перебраться с кем-нибудь парой слов. Да, некоторые участники могли говорить только о своих несчастьях. Иринка и сама была не прочь вывалить первому встречному всё, что висит тяжелым камнем на душе, лишь бы выслушали, потому чужие откровения воспринимала с пониманием. Тем более что многие из ее собеседников пережили такое, о чем и подумать страшно.

Часть сообщений заканчивалась благодарностями Учителю. Авторы в один голос утверждали, что именно он вернул их к жизни, что теперь жуткие и тяжелые дни остались лишь в воспоминаниях и можно идти дальше. Судя по многочисленным намекам, именно Учитель создал Суицида. нет.

Однажды Иринка полночи проболтала с Ньюшей, тоже девушкой из таинственного Приюта, которая, узнав невеселую историю с Ярославом и мамой, пообещала, что расскажет всё Учителю, а уж он-то всегда знает, как быть.

Два дня спустя, когда Иринка зашла в чат, за чередой стандартных приветственных сообщений вдруг пришло приглашение в приват.

Там ее ждал Учитель. Он представился Игорем, сказал, что слышал ее историю от Ньюши, но все-таки просит пересказать еще раз, в подробностях, если ей, конечно, не тяжело и она может об этом говорить.

Иринка согласилась. Как оказалось, стоит только напрячься, и всё снова вернется – в самых отвратительных подробностях: скрипучий диван перед телевизором, сверкающие линзы Славика, яркое пятно на полоске экспресс-теста... и даже письмо. То самое, которое Иринка стерла с компьютера, надеясь никогда больше его не увидеть. Но память – странная штука, и письмо всплыло перед глазами дословно, до последней точки.

Она с трудом допечатала до конца и разрыдалась. Учитель что-то недоуменно переспрашивал – в окошке чата то и дело всплывали сообщения, потом, видимо, понял, что случилось, и начал ее успокаивать. Изумрудная змейка – его фразы выделялись зеленым – всё росла и росла, перескакивая со строчки на строчку, а Иринка никак не могла разглядеть, что же там написано. Слезы всё еще текли, заливая мир туманным маревом.

Платка под рукой не оказалось, и она вытерла глаза рукавом халата.

Учитель писал:

«...это не повод, чтобы запереться в доме. Ира, ты даже не представляешь, как это всё нелепо. Человек, который не стоит твоего мизинца, оказался подлецом, и теперь ты переживаешь? Брось! Забудь! Выкинь! У тебя всё еще будет, в сто тысяч раз лучше, поверь мне! Всё впереди! Жизнь продолжается!»

Иринка хотела написать, что дело не только в Славике, что есть еще мама, которая не хочет и слышать о внуках, только ругается. И что она, Иринка не знает, как дальше жить, потому что привыкла с мамой советоваться, а теперь приходится идти ей наперекор...

Но Игорь не давал ей вставить ни слова. Он успокаивал, сочувствовал, объяснял. Рассказал, как всё у нее может быть хорошо. Нарисовал картинку «Ира приходит домой с работы, ее встречает маленький сын». Как будто пытался уговорить ее поверить в собственное счастье.

Поначалу на глаза опять навернулись слезы: ну вот, опять никто не хочет ее слышать, только лезут со своими советами! Потом захотелось поверить его словам. А под конец ей стало всё равно. Так же, как раньше. Но когда Учитель предложил ей приехать в Приют, сказав, что «там все свои, тебя поймут» и «вместе легче», она неожиданно согласилась. Записала адрес, поблагодарила и, не дожидаясь ответа, вышла из привата.

Несколько дней она не могла выбраться – замотали институтские дела, сессия все-таки! Которой глубоко наплевать, беременна ты или нет. И лишь к вечеру воскресенья, когда нашлось немного свободного времени, Иринка решила поехать на Грайворонский проезд. Где такой находится, она не знала, пришлось заглянуть в Интернет, изучить карту. Оказалось – далековато, между Рязанским и Волгоградским проспектами. И добираться неудобно – на метро с пересадкой, а потом еще на автобусе.

Иринка торопливо оделась, пока мама, увлеченная очередным сериалом, не успела сообщить, что дочь уходит. Открыла дверь и, не дожидаясь лифта, сбежала вниз по лестнице.

И уже на первом этаже ее догнал мамин крик:

– Куда на ночь глядя?! А ну вернись!

Вопреки всем страхам доехала она меньше чем за час. И дом нашла быстро – серая двухподъездная башня выступала вперед из вереницы близнецов, как часовой на посту. Где-то недалеко ритмично громыхала железная дорога.

Домофонная коробка выломана, и Иринка просто потянула дверь на себя.

И едва не отшатнулась.

Навстречу шагнул бледный парень, высокий, статный, не по сезону одетый в простую кожаную куртку. Иринке даже показалось, что он замерз на улице и зашел в подъезд согреться. Хотя на божья никак не тянул.

Заметив ее испуг, он улыбнулся и сделал приглашающий жест:

– Простите, я не хотел вас напугать. Проходите, пожалуйста.

Захотелось гордо повести плечом: мол, тоже мне, нашел пуганых, и пройти мимо самой сексуальной походкой, но неожиданно для себя Иринка спросила:

– Это второй подъезд?

Он кивнул.

– Вы не знаете, Реабилитационный кружок – здесь находится?

Спросила и тут же подумала: да откуда он может знать? Просто гуляка припозднившийся. Или девушку ждет.

Она не заметила, как сразу закаменело его лицо.

– Да, здесь. Двенадцатый этаж.

Иринка двинулась вперед, он посторонился, протянул руку, чтобы галантно открыть перед ней вторую дверь, и случайно коснулся ее пальцев ребром ладони – она как раз стянула перчатки.

Контакт ошеломил обоих.

Едва Иринка ощутила мимолетное тепло его руки, как ее захлестнул странный озноб, словно кто-то уверенный и решительный поворотом рубильника подключил ее к неведомой сети. А незнакомец наоборот вздрогнул, сгорбился под неведомой тяжестью, но не отшатнулся. Сильно толкнул дверь и внезапно осипшим голосом сказал:

– Прошу.

Иринка вошла в дом и сразу же обернулась, чтобы посмотреть на него. Но внешняя дверь уже закрылась, клацнув металлом о металл, оставила за порогом зимнюю ночь и звуки улицы.

И потому девушка не видела, как, выскочив из подъезда, он помчался вдоль дома, на бегу нажимая кнопки мобильного телефона.

Пока лифт полз вверх, Иринка пыталась снова и снова представить, как выглядел странный незнакомец. Больше всего запомнились его глаза – одновременно цепкие и добрые. Пришлось даже себя одернуть:

«Хватит, подруга! Ты на zenки уже один раз купилась. Нечего на те же грабли второй раз наступать».

А человек, занимавший сейчас ее мысли, как раз дозвонился:

– Артем, это я.

– Слушаю тебя, Даня, что случилось?

– Только что к Елагину пришла еще одна девушка ... – начал Даниил и замолчал.

– Ты ее знаешь? Что с ней? Что-то серьезное?

Инок смутился.

– Да нет, просто какое-то странное чувство. Неладно с ней. Мне кажется, недавно ей было очень и очень плохо.

В трубке зашуршало. Даниил ясно представил, как командир пожимает плечами.

– У Елагина все такие, Дань. Почему именно она?

– Не знаю. Не могу объяснить. Но понимаешь... ощущение очень четкое. Как-будто я на ее месте оказался.

В дверь Иринка позвонила не сразу. Две-три минуты она топталась на лестничной клетке двенадцатого этажа, собираясь с духом.

– Проходи. Здесь тебе рады. Тебя выслушают и поймут.

На пороге стоял мужчина и приветливо улыбался. Иринка никогда не видала его раньше, но сразу же поняла: это и есть Учитель. Именно таким он и должен быть: высокий, немного щуплый, мудрое лицо, всепонимающий, чуть насмешливый взгляд. Пастырь заблудших душ.

За его спиной теснились несколько парней и девчонок, все они смотрели на новенькую с любопытством.

– Вы Игорь, да? – на всякий случай спросила Иринка.

Он улыбнулся еще шире.

– Игорь. А ты, наверное, Ирина? Впрочем, можешь не говорить, у нас каждый представляется так, как ему больше нравится. Ведь человек не всегда согласен с именем, полученным при рождении.

Сам по себе Приют выглядел не слишком привлекательно: замусоленная трехкомнатная квартира, набитая старой, сильно пошарпанной мебелью – диванами, кроватями, лежанками. Правда, пол чисто вымыт, но по углам гнездятся сумки с мусором, обои на стенах отсырели, свисая неряшливыми клоками. Иринке приходилось не раз себя одергивать, чтобы не показывать просыпающуюся брезгливость.

«Думаешь, у тебя самой лучше бы получилось? Попробуй тут поддерживать порядок, когда в каждой комнате спят, едят и живут по восемь-десять человек».

– Ты пришла как раз вовремя, – сказал Учитель. – Церемония Возвращения скоро начнется. А пока, если хочешь, можешь со всеми познакомиться. Нюша!

Иринка хотела спросить, что это за церемония, но ее уже тянула за руку короткостриженная, немного полноватая девушка лет восемнадцати.

– Я – Надя, но ты можешь звать меня Нюшей. Ира, да?

– Иринка.

– Вот и хорошо, не запутаемся, – и, заметив недоуменный взгляд, добавила: – Одна Ира у нас уже есть, но она – Ириска.

Нюша вообще оказалась довольно деятельной натурой, энергия так и кипела в ней, она всё время порывалась что-то делать, говорить, куда-то идти или даже бежать. Глаза девушки лихорадочно поблескивали, то и дело она тормозила кого-нибудь из приютинцев, шептала

на ухо, потом представляла Иринке. Та едва успевала пробормотать пару слов, как Нюша уже тащила ее к следующему.

Приветствовали ее по-разному. Кто-то реагировал бурно, расспрашивал, звал «потом поболтать», но были и другие, тихие, погруженные в себя. Хорошо, если Нюше удавалось выжать из них пару слов, в основном же, занятые своими мыслями, они не обращали внимания на новенькую. И Иринка волей-неволей задумывалась, рады ли ей здесь.

Вечер, которого, судя по репликам и поведению на форуме, она представляла бесшабашным циником и балагуром, оказался мрачным и молчаливым. Когда Нюша сказала: «А это Вечер. Правда, похож?» – Иринка протянула руку, подумав, что в его характере было бы припасть сейчас на колено и поцеловать ей кисть.

Однако Вечер, казалось, не замечает ничего вокруг. Он едва удостоил ее взглядом, слегка кивнул и отвернулся.

– Не обращай внимания, – шепнула Нюша, – он просто не в духе.

Подумала секунду и добавила:

– Впрочем, он всегда не в духе. На него нельзя обижаться.

Когда знакомства, наконец, закончились, разочарованная Иринка попыталась разговаривать Нюшу, что, в общем, было не сложно. Девушка сыпала какими-то новостями и подробностями из чужих жизней, а Иринке не терпелось узнать про форум Суицида. нет и про совсем другого Вечера, кумира тамошних завсегдаев. Пытаясь перевести разговор в нужное русло, она то и дело вспоминала Нюшины слова из чатовской переписки:

– А помнишь, ты рассказывала, что...

Но Нюша каждый раз недоуменно переспрашивала: «Я так говорила?» – и Иринка решила, что новая подруга, похоже, не понимает ее намеков. Или делает вид – может, просто не хочет, чтобы здесь, в Приюте знали, сколько времени она проводит в чатах и форумах.

Долго поболтать не удалось – Игорь торжественно пригласил всех в большую комнату.

Церемония показалась Иринке скучной. Нет, было достаточно торжественно, Учитель говорил вполне понятные и нужные слова, но до сердца они не доходили.

Ей больше запомнилось то, что было потом. Переговорив с девушками – Нюшей и Ириской, Игорь на время куда-то ушел, оставив новенькую на их попечение. Сказал:

– Я скоро приду, тогда и поговорим, если захочешь. А пока осмотришь, почувствуй себя дома. Здесь все тебе рады, Иринка. Помни об этом.

Честно сказать, она этого не заметила. Но спорить не стала: может, и правда.

Девчонки потянули ее на кухню – поделиться своим, сокровенным. Минут через десять Иринке стало нестерпимо скучно: то же самое или, по крайней мере, похожее она уже читала на форуме. Потому и обрадовалась несказанно, когда Ириска спохватилась:

– Ой, заболтались мы совсем! Скоро Учитель придет, а у нас еще ничего не готово.

Нюша всплеснула руками и тут же, подставив стул, полезла на верхнюю полку посудного шкафа. Достала цветастую упаковку каких-то таблеток, размером больше напоминавших презервативы, выщелкнула с десятка прямо на кухонный стол. Иринка предложила помочь, но девчонки дружно замотали головами:

– Нет-нет, ты же не знаешь кому сколько.

Потом как будто спохватились, переглянулись и как-то странно посмотрели на Иринку. Нельзя сказать, что ее выгоняли, но под их взглядами она почувствовала себя лишней.

– Ну ладно, не буду вам мешать.

В комнате кружок из трех парней и одной девушки – Витя, Денис, Стас и Викуся, если Иринка ничего не напутала – обсуждали такое, что Иринка сразу же забыла и таблетки на кухонном столе, и мрачного Вечера, и даже завораживающий высверк искр в Славиковых глазах.

Говорили о красоте ухода из жизни. О том, как лучше обставить собственную смерть.

– ...Когда человек впадает в депрессию, – спокойно объяснял Денис, – и, не зная, как выбраться из нее, доходит до суицида – это нелепо, да и просто глупо. А вот когда он решает уйти из этого мира осознанно, то разом становится выше других людей, которые цепляются за жизнь, берегут ее. Такой человек способен на многое, он может рисковать собой сколь угодно долго: ему нечего терять, он ходит по краю. И если уж он все-таки хочет довести до конца, что задумал, то обязательно обставит дело по высшему разряду. Девушки сделают великолепную прическу, накрасятся, выберут свой самый лучший наряд, парни – наоборот оденутся посвободней, в потертые, но удобные джинсы, рубашку с расстегнутым воротом. И обязательно окружают себя дорогими для последних минут жизни вещами – фанатский шарф с логотипом футбольного клуба, бейсболку команды Формула 1... ну, понятно, да? Последняя сигарета непременно должна быть самой лучшей и дорогой. Легкое вино, в плеере – любимая музыка...

Иринка слушала, стараясь не пропустить ни слова: в отличие от всех остальных, которые явно уже не раз обсуждали подобные темы, для нее идеи Дениса звучали как откровение.

– ...вот тогда суицид превращается в произведение искусства, и совсем не будет выглядеть попыткой обиженного на весь мир человека послать всех к черту, как это часто пытаются представить в книгах...

Но тут в замке заскрежетали ключи – вернулся Учитель. Иринка недовольно покачала головой: на самом интересном месте! Говорить с ним о своих проблемах ей сейчас не хотелось совершенно.

Удивительно, но Игорь понял это почти сразу:

– Вижу, что ты пока еще не готова. Ну, решение ты должна принять сама, иначе моя помощь вряд ли окажется действенной. Тебе понравилось у нас?

– Не знаю, – честно ответила Иринка. – Но было интересно.

– Тогда приходи еще, в любое время.

Или он просто устал и рад был поскорее от нее избавиться?

По дороге домой она зашла в ночной супермаркет и, сняв с карточки последние оставшиеся со стипендии копейки, купила бутылку коллекционного красного вина.

Мать уже спала, так что удалось проскользнуть к себе в комнату без скандала. А потом Иринка всю ночь проворочалась с боку на бок. Заснуть удалось только под утро.

Но едва начался первый сон – что-то сумбурное и малопонятное, как дверь комнаты затряслась от сильных ударов. Мама, похоже, лупила по ней кулаком и ногами и не переставая материлась.

– Ты куда вчера ходила на ночь глядя, <...>!! Опять шлялась по своим <...>рям! Ну как, натрахалась?! Приготовила мне нового ублюдка?!

Отвечать смысла не было, Иринка закрыла уши руками и попыталась не слушать.

Ну его к черту, такое утро!! Лучше бы оно и не начиналось.

Мама ругалась без остановки минут тридцать, а потом, собираясь на работу, то и дело подходила к комнате дочери, чтобы вывалить очередную порцию сквернословия. Когда всё стихло и квартира опустела, Иринка сразу же пошла в ванную. Пустила теплую воду, высыпала пригоршню любимой пены с запахом роз. Открыла вино, плеснула немного в большой фужер темного стекла из праздничного сервиза.

Ванна постепенно наполнялась.

Девушка принесла из своей комнаты дорожный косметический набор – подарок на прошлый день рождения. Она редко им пользовалась, берегла для самых торжественных случаев. Села перед зеркалом и аккуратно, без вызова, накрасилась. Наверное, она еще никогда в жизни так не старалась.

Вода дошла уже до половины.

Иринка сходила на кухню, покопалась в сушилке, выбирая нож поменьше и поострее. Ничего подходящего не нашлось, и тогда она вспомнила, что несколько месяцев назад видела у матери в аптечке небольшой скальпель.

– Савва, ты?

– Командир? – Сонный голос Корнякова мгновенно окреп. Что-что, а мгновенно просыпаться он умел. Служба научила. – Доброе утро. Что случилось?

– Мне только что звонил Даниил, сказал, что стоит у подъезда одной из девочек Елагина. Он ее вчера до дома проследил. Утверждает, что чувствует беду. Я понимаю, как это звучит... да что я тебе объясняю! В общем, по мнению Дани, она прямо сейчас собирается вскрыть себе вены.

– Твою мать!

– Ругаться после будем. Сейчас – лети туда, и постарайтесь вдвоем ее остановить.

– Как? Она двум мужикам дверь, небось, не откроет.

– На месте разберешься. По телефону уговорите или дверь выбейте.

– Участкового придется звать. Надо звонить в отделение, подтвердить полномочия, иначе пошлют.

– Знаю, но звонить не буду. Что я им скажу? Толком ничего не совершь, а правду вообще говорить противопоказано. И наверх обращаться сейчас не стоит: не хочу, чтобы всё опять началось – сейчас нам не до Даниных чудес. Когда со всем разберемся, тогда и подумаем, как быть и что делать. Отец Адриан в курсе, но всё остальное – под мою ответственность. Скорую я вызвал. Вопросы?

– Всё ясно, командир. Через пять минут выезжаю. Диктуй адрес.

Когда ванна набралась, Иринка завернула кран, расправила рукава воздушного выпускного платья – и, не раздеваясь, полезла в воду. Белоснежная кисея вздулась и поплыла, мешаясь с пеной.

Тепло окружало со всех сторон, а белое марево колыхалось вокруг. Иринке казалось, что она сидит на облаках.

Где-то далеко, в коридоре зазвонил телефон. Долго, требовательно, настойчиво. Дал звонков двадцать, замолчал и снова разразился звонкой трелью.

«Ангела, наверное. Волнуется, куда я пропала», – подумала Иринка и надела наушники, отрезав телефонный призыв навсегда.

В плеере уже стоял диск любимых песен, подобранный и записанный самолично полгода назад. Спокойно и вдумчиво она составила программу – только лучшие из лучших.

Их оказалось восемнадцать. На сорок семь минут. Должно хватить, судя по всему.

Иринка нажала на «старт» и положила плеер на край ванной. Пригубила вино.

В наушниках проснулись до боли знакомые аккорды, от которых в душе всегда наступала весна.

Иринка протянула руку, взяла с полочки скальпель и, зажмурившись, с силой полоснула себя по венам.

Телефон на столе пронзительно звенел. Она не слышала.

Кровь брызнула вниз, на белое – на платье и на пену. Облака спустились на землю и превратились в сливочное мороженое с малиновым сиропом.

Сначала было немного больно. Но потом, когда Иринка опустила руки, теплая вода, слегка колыхаясь, уняла неприятную ноющую резь в запястье, музыка набирала силу, окружала, отрезала от мира, убаюкивала.

Телефон звонил.

Иринка улыбалась и тихо покачивала головой в такт музыке. Всё медленнее и медленнее с каждой новой песней.

Мир начал меркнуть. Когда темная пелена почти полностью вытеснила и музыку, и тепло, и даже малиновый сироп, ровным слоем покрывший мороженое, в прихожей под мощным ударом Саввиного плеча рухнула дверь. Иринка уже ничего не видела и не слышала и потому не испугалась, когда на пороге ванной появился тот самый бледный парень из подъезда на Грайворонском.

Он на мгновение замер, потом прыгнул вперед, опустился на колени и, не обращая внимания на кровь, цепко сжал руками распоротое запястье девушки. Крикнул изо всех сил:

– Савва! Встречай скорую!

Зима. Пробный камень

В кабинете Чернышова сидел протоиерей Адриан. Подтолкнув вперед Даниила, Корняков едва успел переступить порог, как их засыпали вопросами:

– Ну? Что с девочкой?

– Всё в порядке?

– Милостью Божией, – отозвался инок. – Мы успели.

Савва кивнул:

– Да, в последний момент успели, по венам она себя таки полоснула. Увезли на скорой. Крови потеряла изрядно, конечно, но ничего. В больницу нас с ней не пустили, но доктор обещал, что завтра можно навестить. Если будут какие осложнения – позвонит.

– Господи, Слава Тебе, – перекрестился отец Адриан. – Спасибо, что не дал пропасть заблудшей душе.

Савва знаком отозвал Чернышова в сторону.

– Понимаешь, она дверь не открывала и к телефону не подходила, пришлось ломать. Что делать будем? Как бы чего не вынесли.

– Печать поставил?

– Ну да. Сразу, как врачи уехали.

– Тогда не мучайся. Пост номер один я к этой двери обеспечу, – улыбнулся Артем, хлопнув Корнякова по плечу. – А вы молодцы. Хоть и поздно, а всё равно молодцы. Девочку спасли. Как ее зовут хоть?

– Ирина.

– Надо будет с ней пообщаться, когда врачи разрешат. Вместе поедem: вы с Даней тоже – спасители, как никак.

Артем усадил Савву в кресло, подошел к окну, молча постоял, разглядывая пустой внутренний двор.

– Хорошо, что вся группа здесь. И вы, отец Адриан. У нас набрался кое-какой материал: факты, версии, соображения. И хотя мы пока еще ничего не можем Елагину предъявить, сегодняшний случай многое подтверждает. Вчера вечером я ездил в институт Сеченова. Там лежит парень, некто Вячеслав Тропинин, бывший пациент Приюта. Елагин выпустил парня в мир, когда счел, что теперь всё должно быть нормально. Вячко – так он себя называет – держался два месяца, потом снова попытался вены вскрыть. Сейчас лечится. Он мне рассказал много интересного. Похоже, что Елагин на самом деле верит в магию своего голоса, в придуманную им схему реабилитации. И на некоторых подопечных это, возможно, производит впечатление, а сам он выглядит всезнающим гуру, его слушают, открыв рты, и стараются следовать всем рекомендациям. Но таких, по рассказам Вячеслава, не так и много. Другим всё равно, а некоторые ушли уже слишком далеко, и вернуть их может только профессионал и только после десятка тяжелейших сеансов. Конечно, двух-трех коротеньких бесед на кухне тет-а-тет с Елагиным им никак не хватает. Остальные же, ассоциалы по большому счету, давным-давно махнувшие рукой на этот мир, для которых авторитетов не осталось в принципе, слушают нравовучения Елагина безо всякого пиетета. Если Тропинин не ошибается.

Савва поморщился:

– Типа, давай-давай, дядя Игорь, всё хорошо и правильно, плакать хочется и волосы на себе рвать от того, какие мы неразумные, но когда уже ты свернешь свою бодягу и начнешь водку раздавать?

– Примерно. А Елагину казалось, что стоит ему продекламировать в общем кругу страстный призыв «жить хорошо, хорошо жить еще лучше, а то, о чем вы всё время думаете, – страшный грех», как подопечные немедленно проникнутся и перестанут смотреть с вождельением в

сторону окна или на случайно забытые на столе ножницы. Тропинин говорит, что, конечно, почти все какое-то время верили в слова Учителя. Сутки, двое, неделю. Но проходило время, Елагин оставлял пациентов одних, и всё начиналось снова. Возвращалась глухая, тоскливая депрессия, падала сверху, придавив неимоверной тяжестью, и больше не хотелось ничего. Даже жить. Если бы рядом оказался психолог или просто сильная личность – всё могло кончиться хорошо. Но гуру ушел, а квартира заперта снаружи: выйти и поговорить хотя бы с кем-нибудь вменяемым невозможно. Свои же только отмахиваются или бурчат с тяжелейшего похмелья нечто невразумительное.

– Самое главное, – сказал отец Адриан, – что должен воспитать в себе духовник, который почти ничем не отличается от психотерапевта, – чувство ответственности.

– А особенно, – отозвался Чернышов, – недоучившийся психолог, который взвалил на себя чужие судьбы, не задумываясь о последствиях.

Минутное молчание неожиданно нарушил Савва:

– Я слышал, что в этом как раз и состоит разница между профессиональным психологом и любителем.

Чернышов кашлянул, постаравшись скрыть улыбку. Даниил смотрел на Корнякова с недоумением. Потом тоже улыбнулся. Лишь протоиерей Адриан остался серьезным, хотя и у него в глазах плясали смешинки.

– Что вы смеетесь?! У Аурики подруга есть, Людмила. Она в свое время на психологический готовилась поступать, кучу книжек перелопатила. Такое расскажет иногда!

– И в чем же состоит твоя разница?

– Профессионал никогда не позволит себе сойтись с пациентом слишком близко, каким бы симпатичным тот не казался. Во первых, чтобы не сгореть, впустив в себя чужую боль, не вычерпать дотла все возможные резервы. Ему ведь еще и других лечить надо. А во вторых... – Савва немного помялся. – Я постараюсь своими словами, потому что дословно не помню, как там Людмила рассказывала. Если чего не понятно... В общем, так: человек с неуравновешенной психикой ни в коем случае не должен считать своего врача истиной в последней инстанции. Или – что еще хуже – единственным «понимающим человеком». Ведь может получиться, что в момент обострения депрессии психотерапевт окажется недоступен, занят или в отпуске. Или просто устал и не способен работать. А не получив привычной дозы успокаивающих слов и заверений, больной вполне может шагнуть в окно или наглотаться таблеток. Насколько я понимаю, у Елагина нечто подобное и происходило.

Чернышов кивнул:

– Да, я тоже что-то такое читал. Психоаналитик для некоторых сродни наркотику – лишн человека дозы, и начнется ломка. С непредсказуемыми последствиями. В Штатах опытные врачи искусственно создают очереди к себе на прием: людей записывают на недели, а то и на месяцы вперед, зачастую даже в ущерб бизнесу. Лишь бы не допустить такой же ситуации, как у Елагина. Не сажать пациентов на иглу всегда доступного сочувствия.

– Ага, – сказал Савва, – а пациент в это время вены режет.

– Ты невнимательно слушал, Сав. Психоаналитики, не психиатры. Они с относительно нормальными людьми дело имеют, разве что с небольшими отклонениями – детские комплексы всякие, фобии, неврозы. Братья в темном чулане закрыли на ночь, отец бил по пьяни или с девочками не очень получалось. А у Елагина совсем другие кадры были. Таких водкой и эйфоринном не вылечишь. Не знаю, на что он надеялся.

– Может, ввязался по дури, а потом просто боялся самому себе признаться, что ничего не вышло?

– Может. – Артем вздохнул. – Только его боязнь стоила жизни куче народу.

Савва зло выругался.

– Интересно, как он спит по ночам? Совесть не мучает?

– А почему ты решил, она должна его мучить? Елагин не считает погибших ребят своей ошибкой. Совсем наоборот. Он записал себе в актив тех, кто выжил. И считает их своей победой.

– Совесть не обманешь! Если она у него есть, конечно.

– Вот ты у него и спросишь, когда придет время показания снимать.

Даниил, за весь разговор не проронивший ни слова, встрепенулся и тихо промолвил:

– Пусть Елагин смог успокоить или уговорить свою совесть. Пусть. Но способен ли он уговорить Господа?

Савва протянул командиру несколько распечаток.

– Совсем из головы вылетело: ОБНОН прислал новый доклад по Елагину. Хотел сразу сказать, а тут у тебя отец Адриан... Психолог наш раздухарился – целый ворох таблеток заказал. То ли гостей в Приюте ждет, то ли для себя.

– Ну, себя он точно травить не будет. Думаю, Суицид. нет приносит свои плоды, и Елагин набрал новых пациентов. Только не реальных, а виртуальных. Странная штука этот сайт, Сав. Очень странная. Я тут по старой дружбе попросил ребят из подразделения «Д» глянуть на него одним глазком. Так они говорят: взломать или удалить его несложно – технически сайт сделан не сказать, чтобы очень профессионально. Но визуальная часть: цветовая гамма, расположение кнопок, слоганы – всё подобрано весьма тщательно. Крутой спец делал, явно не мальчик с улицы.

– Так Елагин, наверное, сам и делал. Он же у нас, – Корняков ухмыльнулся, – психотерапевт.

– Трехмесячных курсов не хватит, чтобы с первого раза – и в яблочко. И что у Елагина случайно так получилось, само собой, мне тоже не очень верится. Парни утверждают: сайт разрабатывал или, по меньшей мере, консультировал уникальный человек. Профи по психологии толпы и одновременно – знаток подросткового суицида. Сделано мастерски.

– Так их, небось, единицы – каждый известен. Опросить всех и дело с концом.

Артем улыбнулся.

– Молодец, мыслишь правильно. Еще немного, и можно в опера записываться.

– Не подкалывай, командир! Скажи лучше, в чем я не прав.

– А я не шучу. Ниточка вполне подходящая, я тоже первым делом о ней подумал. Только вот в чем беда, Сав, официально таких универсалов нет.

– Как это – нет?

– Не числятся. По суициду в основном практикующие психологи специализируются, есть государственные, есть частные, но без лицензии никто их к детям не допустит – а значит, всё под контролем. Существуют, конечно, и надомники, из тех, что дают объявления в бесплатные газеты. Но там и уровень другой совсем, нас он вряд ли заинтересует.

– А другие? Как ты сказал? Профи по психологии толпы?

– В ответе на запрос это называется феноменом массового сознания. С ними сложнее. Лицензия никакая не нужна, да и вообще – большинство из них не по профилю работает, в шоу-бизнесе, в рекламе... слоганы завлекательные придумывают, чтобы ты майонез и йогурты лучше покупал. Есть свои кадры на Лубянке, да и у военных тоже. Но в любом случае никто из первого списка с ними не пересекается. Либо одно, либо другое.

– Может, кого не учли? Или он типа нашего Елагина – гений-самоучка. Встретились два одиночества, мать их.

– Дани нет, а то бы он тебя живо за ругань-то приструнил.

– Даня в больнице. У девочки этой, Иринки, что мы на прошлой неделе из ванной вытащили. Врачи его не отпускают, боятся, как бы не повторилось. А с ним, говорят, она оживает.

– А он что?

– Сидит рядом и всё время с ней о чем-то говорит. Но тихо, я сколько не старался, так и не услышал. Но, клянусь, пару раз замечал, как при виде Дани она улыбалась!

Артем пристально посмотрел на Корнякова, тот развел руками: за что купил, мол, за то и продаю. Оба помолчали. Слишком деликатной оказалась для обоих эта тема – чувства младшего товарища. Внутри своей маленькой группы контроллеры опекали Даниила; из-за своей абсолютной неприспособленности к жизни и излишней, как считал даже Савва, набожности, он казался им юродивым. Человеком не от мира сего, непонятым и непринятым до конца. А после странных и страшных «чудес», после внезапно проявившегося дара карать молитвой, когда инока начали сторониться почти все в Анафеме, Артем и Савва с трудом, но все-таки сохранили к нему симпатию и уважение. Может, потому, что своей – да что там ходить вокруг да около! – нелепой в нашем мире праведностью, Даниил был для них не обузой, а примером и опорой. Примером того, что даже в череде страшных преступлений, в окружении мерзостной подлости и звериной жестокости, можно сохранить свою душу чистой, а веру в людей – крепкой.

– Ладно, пускай. Но завтра ты его из больницы вытащи. Если мы Елагина не раскрутим, таких девочек еще может прибавиться. Понимаешь, на Суицид. нет слишком уж четко всё продумано для самоубийцы. Пока вы пасли Приют, посещаемость сайта выросла раза в два. И Учитель наш доморощенный вряд ли собирается на этом останавливаться.

Корняков отмахнулся.

– А смысл? Помнится, ты говорил о благотворительных организациях. Мол, увидят, какой он благородный спаситель и понесут ему денежки. Всё так просто?

– Уже несут, Сав.

Слушая Корнякова, Артем еще раз пробежал глазами распечатки, что-то прикинул в уме и нахмурился. Если теория, которую он изложил группе в первый день работы по делу Елагина, верна, то картинка вырисовывается не самая приятная. И бумага из ОБНОНа очень кстати ложится последним камнем в мозаику.

– Копейки!

– Пока да. Но это пока. Счета Елагина пасет ОБЭП, и думаю, нам недолго осталось ждать. Усиленная доза таблеток, о которых ты сказал, – знаковая вещь. Похоже, Приют свою роль сыграл, впечатлительных журналистов умилил, пора заняться серьезным делом. Хрустящий урожай с имиджа собирать. А чтоб пациенты не отвлекали, Елагин собрался всех на дозу подсадить. И держать так, сколько потребуется.

С минуту Корняков переваривал слова командира. Потом наклонился вперед, и в его глазах Артем разглядел очень нехороший огонек.

– А что дальше?

– Дальше они станут ему ненужными, действие таблеток кончится и... в общем, всякое может случиться.

– И мы так и будем сидеть в сторонке и смотреть, как молодые дурачки под руководством Елагина режут себе вены?! Да его надо вот так! – Савва стиснул кулак с такой силой, что захрустели костяшки.

– Тише. Ты как всегда бежишь впереди паровоза. Вот так, – Артем повторил жест Корнякова, – мы его взять не можем, потому что не с чем. Остается только следить за счетами Елагина, за ним самим и за новыми пациентами. Глядишь, что-то и всплывет.

– А пока в Приюте... – загремел Савва, но Чернышов оборвал его:

– Успокойся! Нервы нам еще пригодятся. Просто помни, что кроме самого Елагина и журналистов, которые за своего любимца всех живьем съедят, против нас теперь играет еще и время.

Охота продолжалась почти три недели. Савва извелся в ожидании, со слежки приходил туча тучей, не уставая ворчать, как и за что пора прихватить «подлую тварь Елагина». Дважды Даниил с трудом удержал Корнякова от попыток «заглянуть на минутку, что там творится». В первый раз реабилитационный кружок посетили две девушки – обратно они так и не вышли. Во второй раз Елагин ушел почти на весь день, Даниил, который меньше примелькался на Грайворонском, поднялся на лестничный пролет Приюта, приложил ухо к двери и вроде бы слышал какие-то сдавленные стоны. Он рассказал обо всем Корнякову и сразу же пожалел: Савва враз вскипел и собирался уже идти крушить дверь. Остановить его смог только прямой приказ командира.

Артем уже собирался снять Корнякова со слежки, но тут наконец пришло долгожданное известие из ОБЭПа. Через счета Елагина прошел крупный транш, деньги были вмиг обналичены, но источник все-таки удалось проследить.

Елагин дождался наконец своего счастья – у китов благотворительности проснулся интерес, причем не только денежный, к проекту Суицид. нет. Первой ласточкой стал неправительственный фонд «Забота, порядок, достаток».

Ни Чернышов, ни отец Адриан, ни кураторы других групп еще не знали, что других ласточек не будет.

Фонд, конечно же, оказался подставным, зарегистрированным в оффшорной зоне, да еще и на давным-давно погибшего человека. Но работники финансовой разведки ОБЭПа не раз кололи подобные схемы, и за три дня раскопали истинных владельцев и тех, кто за ними стоит.

Имя человека, негласно крышующего фонд, в ОБЭПе знали очень хорошо. Да и в прокуратуре тоже – у закона к нему накопилось много вопросов. Силовики отнеслись к новой деятельности подопечного спокойно: просто добавили в список обвинений еще одну строчку на случай, если подозреваемый вдруг растеряет свои контакты в верхах и лишится чиновничьего покровительства.

Да и группа Чернышова раньше с ним сталкивалась, пусть и заочно. Правда, контроллеры никак не ожидали, что ниточка от Елагина потянется так далеко.

– ...наш старый знакомый, алюминиевый король Антон Буслаев, он же Бусик.

Отец Адриан изумленно вскинул бровь, Савва едва удержался от непечатного слова, а Даниил, внешне невозмутимый, спросил:

– Тот, к которому приезжал посланец Базиля?

Прежде чем ответить, Артем вспомнил, как несколько месяцев назад в этом же кабинете протоиерея Адриана рассказывал о контактах Тристахина с московской бизнес-элитой, о таинственном переговорщике Марошеве, о Курилине, правой руке Бусика, что вальяжно назначил встречу представителю какого-то там уральского попа. Неизвестно на что он надеялся, может, и правда на силовой захват и своих мастеров по выбиванию информации. Однако вышло иначе. Погибли девять человек, раненых два десятка, Курилин в отдельной палате института имени Сеченова тупо считает точки на обоях и делает под себя, а Марошев... можно сказать, что умер.

– Мы думали, что контакт между ними не состоялся. По объективным причинам, – Чернышов посмотрел на перекрестившегося Даниила, сделал секундную паузу. Как оказывается мерзко всё это вспоминать!

– Выходит, Марошев был не один? – спросил протоиерей.

– Вряд ли. Скорее всего, Бусик и Тристахин снеслись по другим каналам. Или Буслаев вообще действует независимо.

– Таких совпадений не бывает, – сказал Савва.

– Предположить можно всё. В том числе и то, что Базиль сейчас в Москве.

Контроллеры встрепнулись, Корняков так и вовсе выпрямился на стуле, словно стойку сделал, как хорошая гончая. Отец Адриан спросил:

– Вы редко высказываете пустые теории без фактов, Артем Ильич. Мы также не раз могли убедиться в том, что ваши теории обычно оказываются единственно верными. Но всё же: ваше утверждение на чем-то основано?

– Да, конечно. Когда финансовая разведка опрашивала служащих банка, где открыт счет фонда «Забота, порядок, достаток», я попросил разрешения поучаствовать, подъехал с фотографиями всех, кто засветился вокруг Базиля.

– И Марошева?

– Всех, кого смог найти. Пришлось немного побегать.

Савва заметил едва ли не с обидой:

– Ага, а нас поставил за недопсихологом следить! Толку от той слежки!

– Толк есть от всего. В тот день, когда Елагин бросил свой Приют почти на сутки, он как раз ездил встречаться с руководством фонда. Видимо, договаривался о сумме. Но это так, к слову. Ягодки только начинаются.

* * *

Наивно было бы полагать, что люди Бусика не держат руку на пульсе. Конечно, повышенное внимание к фонду и ОБЭПа, и Анафемы не прошло незамеченным. И уже на следующий день Буслаев, а возможно, и сам Тристахин, развернули в СМИ настоящую войну.

Журналисты и прежде благоволили Елагину, но теперь, когда к образу гонимого спасителя детей прибавилось и соответствующее финансирование, имя недоучившегося психолога буквально не сходило со страниц и телеэкранов.

Либеральная пресса и частные телеканалы пустились во все тяжкие. Финансовый контроль со стороны органов объявили заказной попыткой прикрыть благое начинание, ибо твердолобым чиновникам-консерваторам проще запретить всё, что не прописано в инструкциях, чем менять их. А если запретить по закону не получается – в ход идут любые методы, вплоть до финансового давления.

Небольшая группа правозащитников провела митинг у Елоховского подворья, перед центральным офисом Анафемы. Плакаты говорили сами за себя: «Остановите произвол!», «Нет новому 37 му!», «Контроллеры Анафемы – кровавые наследники КГБ!»

Савва, чудом не столкнувшийся с демонстрантами у входа, увидел сюжет по ТВ и буквально взбеленился:

– Ага, как же! Милый глава самоубийц – вообще-то хороший мальчик и хочет всех спасти, а что не выходит – так это злые спецслужбы виноваты.

Вечером в новостной программе тот же канал показал интервью с отцом одной из пациенток Елагина. По его словам, дочь Надя уже несколько месяцев живет в Приюте. Беспокойно теребя безукоризненно модный галстук, он с едва скрываемым волнением говорил прямо в камеру:

– ...и ничего страшного не происходит. Моя Надя... Нюша жива и чувствует себя хорошо. А прошлой весной доктора в один голос утверждали, что ничего нельзя сделать. Они опустили руки. А он смог ее вернуть! Пробудил в ней желание жить! Не знаю, как он это делает, да и неважно... Я на Игоря Анисимовича молиться готов! И незачем портить ему жизнь, копаться в его делах, проверять счета! У нас такие запутанные законы, если захотеть, компромат найдется на каждого. И что тогда? Приют, куда дети приходят за помощью в самых безнадежных ситуациях, закроют, и ребята снова останутся наедине со своими проблемами. И что с ними будет? Со всеми? С моей Нюшей? Отвечайте, грозная Анафема!

Другие СМИ вели себя поспокойнее, кое-кто даже припомнил принца Флоризеля, но общий дух публикаций в целом доброжелательный. Один попсовый телеканал даже проанонсировал ток-шоу с участием Елагина.

И тогда руководство Анафемы решило дать пресс-конференцию, что произвело в журналистских кругах потрясающий эффект. Впервые перед камерами и микрофонами окажутся не пресс-секретари, которые, как зашоренные пони, бродят по кругу одних и тех же протокольных фраз, и не высшие церковные чины, а рядовые оперативники, контроллеры Анафемы. Да не какие-нибудь там, а самая лучшая группа – лидер по числу раскрытых преступлений!

В назначенный час конференц-зал с трудом вместил всех желающих. Казалось, стены сейчас рухнут, распираемые сотней телевизионных треножников. Когда в зал вошли Чернышов с отцом Адрианом и ведущий из отдела внешних церковных связей, блицы фотокамер слились в единый слепящий высверк.

Протоиерей Адриан представил Чернышова как руководителя лучшей из групп Анафемы (камеры тут же нацелились на Артема), потом зачитал небольшое вступление. Дальше ведущий предложил задавать вопросы. Он был не новичок в словесной дуэли – несколько лет назад подающий надежды выпускник Духовной Академии прославился шумихой вокруг своей дипломной работы. Щекотливая тема истории российского мусульманства вызвала яростные нападки и такие же яростные защитные акции со стороны представителей многих конфессий. Потому сейчас, под прицелом телекамер и огнем фотовспышек, он уверенно вел пресс-конференцию, по мере возможности избегая острых вопросов.

– Ваш вопрос.

– Василий Теменников, газета «Новые времена». Скажите, Артем Ильич, не вызвано ли внимание Анафемы к Приюту Елагина некими ритуалами, которыми он сопровождает излечение своих пациентов? При желании их можно истолковать как попытку создания секты. Спасибо.

– Мы проводим расследование в отношении Реабилитационного кружка помощи потенциальному суициду, а не Приюта. Это официально зарегистрированная организация, в уставе которой указан вид деятельности. И в нем вы не найдете упоминания о какой-либо конфессиональной принадлежности, равно как и намерения зарегистрировать кружок как новую, нетрадиционную религию. Но ритуалы, как вы верно заметили, проводятся. Поскольку это противоречит сразу двум законам – о религиозных и о неправительственных организациях, Спецгоскомитет по религии инициировал проверку.

– Теперь вы, – ведущий указал на полного юношу с диктофоном.

– Евгений Стеценко, телеканал «Молодежный». Насколько утверждает сам Елагин, он читает своим пациентам проповеди в полном соответствии с христианскими канонами и к тому же имеет на это полное право, так как учился в духовной семинарии. Вы можете это прокомментировать?

– К сожалению, у вас неверная информация, – сказал протоиерей Адриан. – Елагин семинарию не заканчивал, сан не получал и, естественно, не может служить проводником божественной благодати, то есть служить, совершать церковные таинства и уж тем более читать проповеди.

На мгновение показалось, что всё пройдет гладко, что объяснения приняты и все в зале на самом деле готовы поверить: Реабилитационный кружок помощи потенциальному суициду привлек к себе внимание грозной Анафемы исключительно по причине несоответствия буквы устава его духу и некоторых сомнительных финансовых операций. И даже не сам замешан в них, а лишь как объект для мошеннических действий нечистоплотных жертвователей.

И всё же ведущий не уследил. Нашелся юный гений, разом повернувший отношение аудитории к контроллерам.

– Ди-джей Глагол. Радио «Свободный мир». Скажите, уважаемые борцы со свободой вероисповедания, вы преследуете Елагина так как он, после исключения из семинарии, посмел

доказать себе и всем окружающим, что является лучшим исповедником и духовником, чем любой из ваших хваленых попов?

Артем взял микрофон, секунду помолчал, постаравшись унять гнев.

– Мы проводим проверку, а не преследуем, уважаемый Глагол. Это, во первых. Во вторых, Елагин – непрофессионал, дилетант в самом крайнем проявлении. Недоучившийся семинарист и психотерапевт с трехмесячных курсов. Обе профессии имеют дело с людьми, а значит, требуют крайней деликатности. Которой Елагин не имеет в принципе, ибо она приходит только с опытом. Результат известен – только за прошлый месяц в Приюте произошло три самоубийства. Не знаю, хороший ли он исповедник, но духовник из него получился аховый. И вместо того, чтобы признать свою несостоятельность, он продолжает упорствовать, а это приводит к новым и новым жертвам. Остается лишь сожалеть, что в Уголовном Кодексе статья о доведении до самоубийства чрезвычайно туманна, и Елагина мы по ней привлечь не сможем...

Журналистская братия зашумела. Из задних рядов послышались выкрики.

– ...но обещаю вам, что моя группа использует все законные методы, чтобы остановить суицидальный конвейер и осудить Елагина.

– По какой статье? – спросил кто-то.

– В интересах следствия этого я вам, конечно, не скажу.

Проигнориров очередь, поднялась некрасивая девушка в зеленой блузке. Представилась:

– Анна Гнедова. Правозащитная газета «Честь и достоинство», – и дерзко выбросила вперед руку с включенным диктофоном: – Вы так рветесь всех осудить и посадить, Артем Ильич! Может, вы еще и смертную казнь вернете!

Артем принял вызов:

– Это не в нашей компетенции. И совсем не относится к делу Елагина. Но если вы хотите знать мое личное мнение, как человека и гражданина, а не как старшего контроллера Анафемы...

– Хочу! – Девушка тряхнула непослушной гривой.

– Пожизненно кормить, содержать, охранять маньяков и убийц – тех, кто совершил тяжчайшие преступления против личности, – слишком опасно для общества. Даже при бдительной охране у заключенного всегда есть возможность сбежать. Не говоря уже о примере для будущих преступников. Мы сами развязываем им руки: пожизненное заключение – вот максимум того, что им может грозить. Плюс шанс на амнистию или замену на максимальный срок. Двадцать пять лет за решеткой – это, конечно, много, но все-таки не навсегда...

– Значит, вы считаете, что мораторий на смертную казнь нужно отменить?

– Да, считаю. Высшая мера должна существовать как очень осторожная, редко и обдуманно применяемая, но все-таки реальная возможность. Ведь в большинстве случаев пойманный и осужденный преступник жалеет не о том, что совершил, а о том, что попался. Ни о каком раскаянии речь не идет. И смертная казнь – это не только неотвратимое возмездие, но и предупреждение тем, кто захочет пройти по его пути.

– Но ведь остается шанс судебной ошибки или даже намеренной подставы. Прежде чем поймали настоящего Чикатило, к высшей мере приговорили несколько невиновных! Представьте: усталые, замороженные делами следователи подтасовали факты, лишь бы побыстрее сбагрить надоевшее дело. Или кому-то потребовалось избавиться от конкурента, врага, лишнего свидетеля. От вас, например, – девушка ткнула в Чернышова пальцем. – Всё подстроено идеально, всё против вас: улики, экспертиза, показания свидетелей. А наказание – смертная казнь. Вы этого хотите?

– Больше всего на свете, – Артем посмотрел журналистке прямо в глаза, – люди вроде вас любят доказывать свою правоту на личном примере собеседника. Это нечестный прием: мало кто останется объективным, будучи лично заинтересован в результате...

Девушка улыбалась.

– ...но раз он выгоден вам, почему бы и мне им не воспользоваться? Наркоман в поисках денег на дозу попытался отнять у старушки сумочку с пенсией. Она сопротивлялась, и тогда подонок ударил ее ножом. Бабушка скончалась по дороге в больницу. Я знаю, вы скажете, что наркоман может вылечиться, перевоспитаться, стать полноправным и даже полезным членом общества, поэтому нельзя его уничтожать, даже если та старушка была не первой жертвой в его послужном списке. Пусть так. А если на ее месте окажется ваша мать? – Девушка вздрогнула. Попыталась что-то сказать, но Артем неумолимо продолжал: – Вы с такой же убежденностью защищали бы передо мной идеалы гуманности? Или всё же потребовали бы расстрелять мерзавца?

– Я не...

– Насильник затащил в машину вашу младшую сестру, привез ее на заброшенную дачу и три месяца держал прикованной к батарее, унижая и измываясь над ней. Потом убил, расчленил и закопал в лесу. Его взяли быстро, а в ходе расследования выяснилось, что маньяк уже привлекался к ответственности за изнасилование, отсидел треть срока и вышел по амнистии, за хорошее поведение. Так не лучше ли с первого раза сделать так, чтобы он никому и никогда больше не смог причинить зла, чем раз за разом доказывать на конкретном примере ему и всем, кто, возможно, захочет повторить его путь, что за подобные омерзительные деяния последует лишь недолгий... хорошо, пусть даже очень долгий, но всего лишь тюремный срок?

Журналистка растерялась. Она открыла рот, но заготовленные обличительные фразы показались ей теперь ненужными и даже глупыми.

– Вас пугают непоправимые ошибки правосудия, вы готовы с ними бороться, и это похвально. Но есть и другие ошибки – ошибки милосердия, но с ними вы почему-то воевать не желаете. На сегодняшний день у закона есть возможность совершить обе, но исправить можно только первые. По-моему, это не совсем справедливо. Знаете, Анна, почитайте на досуге статистику преступлений, совершенных рецидивистами. Поверьте мне, она того стоит.

Правозащитная девушка пробормотала несколько слов и села, ее лицо, и так не слишком привлекательное, пошло красными пятнами. Сосед слева наклонился к ней, что-то спросил. Она отмахнулась.

– Следующий. Вот вы, – ведущий указал на толстого, вальяжного мужчину с седеющими висками.

– Журнал «Власть». Вопрос к вам, отец Адриан: вы разделяете позицию господина Чернышова, своего подчиненного? Насчет смертной казни.

Протоиерей помедлил с ответом:

– Нет. Ни лично, ни как руководитель одного из отделов Спецгоскомитета. Господь дает человеку жизнь, и забрать ее может только Он. Но я понимаю и уважаю мнение Артема Ильича – в отличие от меня он каждый день имеет дело с людьми, преступившими законы. Как людские, так и... высшие. Долг любого православного человека – постараться вернуть их к Свету, увести с ложного пути. К сожалению, далеко не все люди готовы открыть свою душу перед господом. Некоторые прячут внутри скверну, некоторые намеренно уничтожают в себе семена божественной благодати. Земной суд может покарать их или проявить снисхождение, но не стоит забывать, что есть еще один, Высший суд, и каждому из нас однажды доведется предстать перед ним и нести ответственность за свои поступки.

Нагловатого вида парень в жилетке и сетчатой крупноячеистой майке спросил, не вставая:

– А что же ваш господь, отец... – он сделал чуть заметную паузу, презрительно скривив губы, – ...Адриан, не покарает всех преступников?

– Представьтесь, пожалуйста, – сказал ведущий.

– Арнольд Бельминский, интернет-портал «Недоверие».

Протоиерей ответил спокойно.

– Сказано: нечестиво возлагать на господа то, что может быть сделано хорошей юстицией. В нашем мире много зла и несправедливости. Но с основной массой мы в состоянии справиться сами, своими силами. Апостол Лука предупреждал, кто будет сберегать душу свою, тот погубит ее, а кто станет тратить – оживит. Недостойно православного и, – отец Адриан быстро взглянул на Артема, – вообще любого хорошего человека стоять в стороне, наблюдая, как зло владеет чужими душами.

Зима-Весна. Одно за другим

Андрей Сергеевич вышел из лифта на лестничный пролет, привычно вытер ноги о половик, привычно повесил сумку на дверную ручку. Расстегнул ворот пальто. Фу-у, запарился.

Привычно нажал кнопку звонка, раз, другой. И стал терпеливо ждать, когда откроют: если Танечка на кухне – то не сразу, ей ведь надо притушить плиту, вытереть, а может, и вымыть руки...

И вспомнил, что ждет зря. Таня у мамы, второй месяц уже, заезжает раз в неделю с одним и тем же вопросом: ну как? А что отвечать? Ничего нового, а в их положении и это плюс. Нет новостей – нет изменений, всё по-старому.

Только вот Таня устала ждать. Каждый день и каждую ночь мучиться неизвестностью, плакать, запершись в ванной, глотать таблетки. Утром, выбрасывая мусор, Андрей Сергеевич всегда находил в ведре одну-две цветастые коробочки антидепрессантов. Пустые. Он и сам устал, к тому же и знал куда побольше жены, но пока еще справлялся. Мужчина должен отдуваться за всех.

Он вздохнул, достал из кармана ключи. Дверь немного поупиралась разболтанным замком, как будто не хотела пускать, и открылась. Из квартиры пахло спертым, каким-то нежилым запахом, так что Андрей Сергеевич в первую секунду даже отшатнулся.

Раздеваясь в узкой и темной, как подземный ход, прихожей, он подумал, что еще весной всё было совсем по-другому. Таня и Нюшка радостно встречали его, когда он приходил с работы. Но даже если и не встречали – настроение ни к черту или просто дулись из-за чего-то – всё равно Андрей Сергеевич чувствовал, что его ждут.

А теперь... Даже вспоминать не хочется.

Сначала они с женой подумали: да, ерунда, детское увлечение. Директор театрального училища, вальяжный и седой, и юная студентка, – сюжет для тупого сериала, в жизни такого не бывает! Да он в три раза ее старше!

Но опекаемая с детства, привыкшая, что именно она всегда находится в центре внимания, дочь никак не могла поверить до конца, что ее не замечают. Списывала всё на собственную внешность – отсидела три диеты, одна другой жестче, потом занялась шейпингом, бог знает чем еще, торчала в училище чуть ли не до закрытия, соглашалась дежурить, мыть, убирать, в общем, на всё, лишь бы поближе к директорскому кабинету.

Характером Нюша пошла в отца. Раньше Андрей Сергеевич думал, что к счастью, а теперь что? Упорство – это хорошо, но ведь у всех свой предел. Ему самому еще не приходилось сталкиваться с крайней чертой, неизвестно чем бы закончилось.

А дочь наткнулась на нее с разбегу, в самый разгар бесплодных попыток обратить на себя внимание. Что-то там было в случайно подслушанном телефонном разговоре, про «надоедливую толстушку, бездарную, как и все остальные».

Кумир рухнул в одночасье, а с ним и смысл жизни.

Той же ночью Нюша наглоталась феназепамы. Скорая и промывание желудка успели вовремя – дочь откачали. Врач настойчиво посоветовал обратиться к психиатрам, сказав, что при вызове на суицид это обычная практика.

Только тогда перепуганные родители поняли, что Нюша попыталась покончить с собой.

Андрей Сергеевич отнес на кухню сумку, вывалил на столик покупки. Хлеб, два пива, полкило колбасы, пачка макарон, десяток яиц.

«Настоящий холостяцкий ужин, – подумал он. – Какой типаж! Мужик сорока лет, профессия не из последних, не беден, а живет один, бобыль бобылем при живой жене. Интересно много ли таких?»

Разозлился на себя, хватанул кулаком по столу.

«Жалеть себя устал, теперь сам себе хвалиться будешь!»

Глухо звякнули бутылки на столе, и тут же, словно он только того и ждал, проснулся сотовый телефон.

Чуть не выронив сумку, Андрей Сергеевич судорожно бросился искать трубку по карманам. Лишь бы заткнуть побыстрее эту проклятую мелодию – заставку из любимых Нюшиных «Секретных материалов». Сама нашла где-то в Интернете, сама записала на мобильники всей семье.

А теперь каждый раз – словно шилом в сердце. Андрей Сергеевич давно бы сменил – плевать, что не знает как, научился бы, невелика наука! – но почему-то боялся. Ему казалось, стоит только что-то поменять, переставить в Нюшиной комнате, убрать за ней книжку, сложить поаккуратнее брошенные джинсы, как случится непоправимое. И телефон сыграет свою мелодию в последний раз, ибо зачем он нужен потом? После?

Но пока звучат «Икс-файлз», надежда остается. А сердце всё равно будет замирать на каждый звонок – какую мелодию не поставь. Вдруг это та самая новость, которой Андрей Сергеевич боится больше всего?

Наконец сотовый нашелся. «Секретные материалы» заснули до следующего раза.

– Слушаю.

– Андрей Сергеевич? – риторически спросила трубка.

В груди опять защемило. Этот голос с недавних пор он узнавал всегда.

– Да, я. Здравствуйте, Игорь Анисимович, – и, с трудом выждав паузу, спросил, как выпалил: – Что-то случилось?

– Нет-нет, не волнуйтесь, всё в порядке. Надюша чувствует себя хорошо. Когда я уходил из Приюта – она спала.

– Ох, слава богу! Даже не знаю, как вас благодарить! Вы просто волшебник!

В трубке сдержанно усмехнулись.

– Я просто делаю, что умею. Андрей Сергеевич, у меня к вам большая просьба...

– Конечно-конечно, всё, что скажете!

– Вы знаете, наш Реабилитационный кружок сейчас попал в поле зрения Анафемы. Они очень настойчиво проверяют финансовые операции, и, боюсь, мне понадобится ваша помощь.

– Что, они всё еще насаждают на вас?! Безобразия! Произвол! – Андрей Сергеевич в негодовании махнул рукой, едва не свалив со стола продукты. В пальто стало совсем жарко, и он не глядя скинул его куда-то на пол. Пробежался по кухне, как загнанный в клетку хищник. Сжатая пружина эмоций нашла, наконец, выход. – Мракобесы проклятые! Что нужно делать? Выступить где-нибудь, как в прошлый раз! Без проблем! В любое время, в любом месте я буду защищать вас.

– Нет, – голос в трубке звучал на удивление сухо, особенно по контрасту с бушующим Андреем Сергеевичем. – Мне нужна помощь иного рода. Видите ли, Анафема арестовала наши счета, и мы не можем пользоваться средствами. А детей нужно поить, кормить, одевать, покупать лекарства. В общем, я лично, пациенты Приюта, а особенно Надюша, будем вам очень признательны, если вы сможете оказать небольшую финансовую помощь. Мне неприятно обращаться к вам с такой просьбой, и я бы никогда этого не сделал, но... обстоятельства, как обычно, сильнее нас. Я даже боюсь представить, что будет, если из-за нехватки средств придется закрыть Приют. Куда денутся дети? Ваша Нюша и все остальные?

* * *

Савва приехал в контору пораньше – во первых, отчет надо дописывать, а во вторых, очень хотелось хотя бы раз появиться раньше Артема. Но как только он подошел к дверям

кабинета, то понял, что опередить командира не удалось: из-под щели пробивалась полоска света.

– Сав, ты? – удивленно спросил Чернышов. – Что так рано?

– Я вообще-то тебя о том же хотел спросить.

– А я и не уезжал, – судя по голосу, Артем едва сдерживался, чтобы не зевнуть. – Кое-что по кружку елагинскому накопилось, остался посидеть с документами.

Савва украдкой посмотрел на него, поджал губы: командир выглядел очень усталым, веки набрякли и посинели, глаза явно слипались. Он и раньше засиживался на работе по ночам, иногда, во время особо тяжелых дел, даже несколько дней подряд, но таким утомленным Корняков его никогда еще не видел.

– Дома, небось, и не помнят, как ты выглядишь. Может, тебе съездить, поспать хотя бы? Артем помотал головой, все-таки зевнул, прикрыв рот ладонью.

– Мои на югах. Забыл? А поспать я успею, кое-что интересное наклеивается. Ты так рано приехал, чтобы меня на боковую отправить?

– Нет, отчет хотел дописать.

– Отлично, дописывай. В десять приедет отец Адриан, пойдем к нему, есть пара умных мыслей. – Чернышов встал, потянулся, пару раз согнул-разогнул руки. – А пока давай мы с тобой кофейку сбачаем. Иначе я и в самом деле прямо тут, на столе прикорну. Как будто в муровские времена вернулся.

Протоиерей Адриан приехал только около одиннадцати. Когда контроллеры вошли к нему в кабинет, он поздоровался и сразу же начал извиняться:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.